

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXIV.

1889.

АВГУСТЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 70.

1889.



О книгѣ: „Товарищъ. Книга для чтенія и письменныхъ работъ. Составилъ Д. Поповъ“	—
О книгѣ: А. Баранова: „Наше Родное. Годъ 1-й, 2-й и 3-й“	115
Объ изданіи А. Д. Ступина: „Прописи и рисованіе по клеткамъ“	—
О книгѣ: „Братній еврейскій катихизисъ. Составилъ Б. Л. Сиваль“	—
О книгѣ: „Пространный еврейскій катихизисъ. Составилъ Б. Л. Сиваль“	—
О книгѣ: „Краткая исторія евреевъ до заключенія Талмуда. Составилъ Б. Л. Сиваль“	—
О книгѣ: „Полный курсъ исторіи Израильскаго народа отъ сотворенія міра до новѣйшихъ временъ. Составилъ М. О. Неллеръ“	116
Официальныя извѣщенія	59 и 116
Открытіе училищъ	59
О двѣнадцати присужденій премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. Н. Веселовскій. Славяно-германскіе отрывки	
А. И. Соболевскій. Къ исторіи русскихъ былинъ	15
П. О. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I	20 и 259
Е. Ф. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ	57 и 305
П. Д. Погодинъ. Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 году	205

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII. Тифлисъ. 1889.	122
Г. С. Дестунисъ. Каталогъ греческихъ аэонскихъ рукописей	132
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. I. С.-Пб. 1889.	157
И. П. Минаевъ. Забытый путь въ Китай	168
Е. А. Вѣловъ. Историческій очеркъ Польскаго сейма. Н. Картега. Москва. 1888.	190
И. Д. Тихомировъ. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С.-Пб. 1888.	380
В. Г. В—скій. Исторія среднихъ вѣковъ. Н. А. Осокина. К. 1888.	386
Н. М. Бубновъ. О математическихъ сочиненіяхъ Герберга	398
П. И. Вейнбергъ. Донъ-Жуанъ. Поэма Байрона. Переводъ П. А. Козлова. С.-Пб. 1889.	437

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПО ИСТОРИИ ОСАДЫ И ВЗЯТІЯ ВИЗАНТІИ ТУРКАМИ ВЪ 1453 ГОДУ.

Graeciae caput, splendor et decus orientis gymnasium optimarum artium bonorumque omnium receptaculum (Ep. Bessarionis ad d. Venetorum).

Византія въ средніе вѣка была хранительницей ¹⁾ просвѣщенія, которое не угасало тамъ до послѣднихъ дней ея самостоятельнаго существованія, когда въ стѣнахъ ея, подъ непрерывнымъ громомъ вражескихъ пушекъ, среди отчаянной борьбы противъ обложившихъ городъ турокъ, еще велась переписка книгъ и дѣтписей ²⁾. Не смотря однако на процвѣтаніе у грековъ богословія, философіи, языкованія, краснорѣчія, не смотря на существованіе цѣлаго ряда даровитыхъ дѣписателей, изобразившихъ въ своихъ произведеніяхъ всю тысячелѣтнюю судьбу Восточной имперіи,

¹⁾ Ποῖόν τε καὶ οἷον ὑπῆρξε τὸ γένος ἡμῶν, τοῦτο μὲν σοφία, τοῦτο δὲ καὶ ἄλλη ἀρετὴ καὶ μὲν κατὰ κόσμον ἐξουσία τε καὶ ἀρχὴ καὶ δυνάμει οἱ ἡμέτεροι γὰρ πάσης σοφίας καὶ πάσης ἐπιστήμης οὐχ' εὕρεται μόνον ὑπῆρξαν, ἀλλὰ καὶ εἰς τέλος αὐτὰ ἤγαγον (Bessarionis Encyclica ad Graecos. *Migne*, Patr. Curs. Compl., Pat. Gr. 161, 452).

Amisae civitas famosissima et ratione situs et aliis conditionibus ad tutelam christianorum necessaria taceamus de litteris et bonarum omnium artium studiis, quae veluti domicilium proprium Constantinopolim ex tota Graecia habere. (Выдержка изъ письма императора Фридриха III, помѣщеннаго въ Архимитовскомъ изданіи переписки Энея Сильвія Пикколомини).

²⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ любопытныя заключительныя слова переписки сочиненія Книнами.

литературный упадокъ сказывался двоякимъ образомъ: вопервыкъ, ослабленіемъ поэтическаго творчества, для котораго недоступно стало прѣжнее богатство стихотворныхъ размѣровъ, а во вторыкъ, глубокимъ разладомъ между языкомъ литературнымъ и языкомъ простонароднымъ. Въ странѣ, обладавшей безсмертными произведеніями Гомера, Эукидида, Демосоена, слишкомъ сильно было обаяніе древности для того, чтобы кто-нибудь дерзнулъ возвести на степень литературнаго языка простонародный говоръ. Каждый, на оборотъ, византійскій писатель считалъ долгомъ подражать своимъ великимъ предшественникамъ, на сколько хватало его силъ и умѣнія; однимъ удавалось достигать своей цѣли болѣе, другимъ менѣе и почти никому вполнѣ, ибо народная рѣчь, которою говорили всѣ, которая звучала въ ушахъ у всѣхъ, оказывала часто непобѣдимое воздѣйствіе на слогъ византійцевъ, въ тѣ минуты, когда напряженность ихъ вниманія слабѣла. Впрочемъ, въ XV вѣкѣ мы видимъ рядъ лицъ, достигшихъ высокой степени въ искусствѣ писать языкомъ древнихъ. Во главѣ ихъ стоялъ знаменитый философъ и политическій дѣятель Гемистъ Плионъ, справедливо славившійся чистотою своей аттической рѣчи даже по отзыву своихъ враговъ (*οὐν ἀττικισμῶ ἐμψραν-θουόμενος τῆ δοκοῦσῃ καλλιερρημοσύνῃ*, Рит. Мануала пр. Плиона. Хр. Чт. 1886 г. II, 133). За нимъ слѣдовали имена Виссаріона Никейскаго, Марва Ефесскаго, Георгія Схоларія, Іоанна Плузіадина, Амидуци, Андроника Каллиста, Матоея Камаріоты, Критовула и другихъ, которымъ удавалось такъ или иначе приблизиться къ своему идеалу. Даже въ произведеніяхъ плохихъ аттицистовъ, каковы Франдзя и въ особенности Дука, греческій языкъ не дошелъ до такой степени паденія, какъ латинскій языкъ того времени на западѣ. Для примѣра можно сравнить хотя бы слогъ извѣстія о паденіи Византіи, полученнаго епископомъ Авиньонскимъ съ сочиненіями Франдзя и Дуки.

Итакъ, передъ окончательною утратой Цареградомъ его политической самостоятельности, просвѣщеніе не только не пришло въ упадокъ подобно самому государству, но даже разцвѣло послѣднимъ цвѣтомъ, какъ это доказываетъ рядъ названныхъ лицъ, оставившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнное свидѣтельство о пережитомъ ими плѣненіи роднаго города.

Но такъ какъ гибель Византіи имѣла не только мѣстное, но и всемірное значеніе, такъ какъ ея послѣдствія несли вся Европа и въ особенности государства, непосредственно связанныя въ своихъ

интересахъ съ бытіемъ Цареграда, то и въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ нашло свой отзвукъ это событіе, отзвукъ особенно сильный въ италянской и русской литературѣ, въ силу исконныхъ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между этими національностями и Византіей.

Выяснивъ такимъ образомъ причины относительнаго обилія матеріала для изученія фактической стороны осады и взятія Константинополя турками въ 1453 г., и переходу къ ближайшему разсмотрѣнію каждаго изъ этихъ источниковъ въ отдѣльности, раздѣливъ ихъ на группы, для вышшаго удобства, по національностямъ.

I.

Источники греческіе.

1. Франдзи.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи являются анналы Георгія Франдзи, на основаніи которыхъ можно было бы возстановить также и полную біографію автора,—до того часто, много и охотно говоритъ онъ о своей жизни и дѣятельности. Для насъ довольно знать, что Франдзи былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, ходъ которыхъ онъ могъ знать, какъ никто, вслѣдствіе своей близости ко двору по званію протовестіарія и дружбы съ императоромъ Константиномъ, скрѣпленной общимъ воспитаніемъ и воспоминаніями дѣтства. Вся жизнь Франдзи прошла въ многообразной и полезной для государства службѣ, сопряженной съ дальними путешествіями, опасностями, плѣномъ и другими невзгодами. Переживъ гибель роднаго города, поруганіе вѣры, смерть императора и друга, разсѣяніе и позоръ своей семьи, удрученный годами, Франдзи нашелъ успокоеніе въ монастырской кельѣ, въ тиши которой онъ описалъ видѣнныя и оплаканныя имъ событія *ὄψε πρὸς χάριν ὄψε πρὸς φθόνου, ἀλλ' ἱστορίας μόνου χάριν*: безъ пристрастія, безъ ненависти, единственно ради исторіи. Но чувство, наполнявшее его душу, сказывается неволью: все сочиненіе проникнуто любовью къ дому Палеологовъ, стоявшему во главѣ Византіи, въ особенности же къ послѣднему императору-герою, для восхваленія котораго онъ не находитъ достаточно словъ. Говоря о самыхъ порочныхъ и неспособныхъ императорахъ, Франдзи не только не про-

вносить ни одного слова осужденія, на что такъ щедръ другой историкъ той же эпохи, Дука, но напротивъ старается даже смягчить въ своемъ разказѣ рѣзкость самихъ фактовъ. Въ самомъ жгучемъ вопросѣ своего времени, въ вопросѣ объ уніи, одного имени которой было достаточно для того, чтобы въ сердцахъ ея противниковъ и сторонниковъ разгорались самая бурныя чувства, Франдзи сумѣлъ сохранить безпристрастіе, не осыпая упреками ни той, ни другой стороны въ отличіе отъ остальныхъ соотечественниковъ. Хотя вся его любовь и расположеніе принадлежали противникамъ уніи, тѣмъ не менѣе, руководимый сознаніемъ ея политической необходимости, онъ считалъ нужнымъ уступить силѣ обстоятельствъ, покорившись напѣ въ чаяніи спасенія отъ другихъ враговъ, и въ этомъ шелъ такъ далеко, что предлагалъ императору сдѣлать патріархомъ кардинала Исидора, знаменитаго сторонника уніи еще на Флорентійскомъ соборѣ (Phg. 326, с. 16). Не смотря однако на свою вѣротерпимость, Франдзи всегда оставался православнымъ, и чувство привязанности къ греческой церкви, убѣжденности, что исповѣданіе ея есть единое истинное, только росло подъ вліяніемъ пережитыхъ бѣдствій.

Предпринаявъ по просьбѣ жителей острова Корфу описаніе событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, Франдзи начинаетъ свое повѣствованіе краткимъ введеніемъ въ видѣ исторіи дома Палеологовъ (1261 — 1410), опираясь въ разказѣ на показанія какъ современниковъ, такъ и лѣтописцевъ (1—65 ст.). Отъ этого введенія Франдзи рѣзко отдѣляетъ главную часть сочиненія, основанную на личномъ знакомствѣ съ событіями. Я намѣренъ, говоритъ онъ передъ нею, разказать о важныхъ достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 1410—1486 года.... что хорошо мнѣ извѣстно вслѣдствіе моего возраста¹⁾; и затѣмъ онъ подробно излагаетъ ту послѣдовательность, которую намѣревается соблюдать въ сочиненіи²⁾.

¹⁾ Ταῦτα οὖν διὰ τὸ τῆς ἡλικίας μου ἐντελὲς καλῶς καὶ ἀκριβῶς εἰδότες. Phg. 67.

²⁾ Вотъ она: Phg. 65. Я намѣренъ разказать о важныхъ и достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 10 до 86 года; я подразумеваю впервыхъ: прибытіе на западъ пяти сыновей Балзета: Мусульмана, Османа, Мозеса, Ессая, Мехмета и Юсуфа, принявшаго впоследствии христіанство подъ именемъ Дмитрія, о смерти въ Фессалоникахъ императора киръ Иоанна в о прибытіи туда сына его императора Мануила; о поставленіи тамъ государемъ сына его киръ Андроника; о смерти въ Спартѣ государя Θεодора Поревороднаго; о пришествіи императора и брата его Мануила въ Пелопонесъ. Я разкажу о смерти Мусульмана отъ руки его брата Мозеса, о трехлѣтней войнѣ его съ императоромъ Ма-

Въ дальнѣйшемъ же своемъ повѣствованіи Франдзи очень мало заботится о начертанномъ имъ планѣ разказа, который отнюдь не обнимаетъ всего разнообразнаго содержанія анналовъ, а лишь часть его, преимущественно I и II книги. Лѣтописи Франдзи представляютъ изъ себя не строго историческое сочиненіе, а скорѣе мемуары, въ которыхъ страннымъ образомъ историческіе факты переплетаются съ семейными воспоминаніями, а размышленія богословскія (431—446, 329—378) смѣшиваются съ разсужденіями о физикѣ (378—383), политическіе акты (404) и письма (43, 44, 416—423) съ географическими описаніями, иногда чуть не баснословнаго характера (Phg. 207, 208, 209). По своей эпизодичности ¹⁾ сочиненіе Франдзи превосходитъ знаменитыя Музы отца исторіи, съ тою только разницею, что у нашего автора встрѣчается повтореніе, объясняемое легко его преклоннымъ возрастомъ, когда слабѣетъ память. Что касается до означеннаго въ предисловіи періода времени (1410—1487 гг.), то онъ, въ свою очередь, не совпадаетъ съ періодомъ, дѣйствительно описаннымъ Франдзи, и, кромѣ того, прямо противорѣчитъ поимѣнкѣ, сдѣланной на концѣ книги и относящей написаніе ея къ 1478; дѣйствительно послѣднее происшествіе въ разказѣ Франдзи относится къ 1477 году; единственное событіе болѣе позднее есть смерть Мехмета II, завоевателя Византіи (Phg. 95, стр. 11).

Вопросъ о времени написанія Франдзи его Анналовъ, можетъ быть, долго не будетъ рѣшенъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону, но главныя противорѣчія могутъ быть сглажены, благодаря тому обстоятельству, что трудъ нашего лѣтописца дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: одну мы необходимо должны предположить болѣе обработанною и потому болѣе поздней, а другую — первоначальною,

куиломъ и объ ослѣпленіи Орхана, сына Мусульмана въ Лариссѣ, о прибытіи съ востока на западъ брата его Мехмета, о возвращеніи Мехмета на востокъ, о новомъ его приходѣ во Фракію и Европу и о побѣдахъ его. Я скажу о смерти Мовеса, потомъ о смерти втораго сына императора Мануила, бывшей въ Момевасіи и двухъ дочерахъ его, и о рожденіи повелителя киръ Михаила, по смерти его отъ чумы. Я буду повѣствовать о смерти Дмитрія Целени, сына султана Ваазета и брата султана Мехмета, и о рожденіи повелителя киръ Фомы.

¹⁾ (47—98) Исторія турокъ. (97—107) Исторія острова Крита. (140—144) Житіе св. Фоманды, тетки Франдзи. (189—190) Описаніе Оробуркюна. (294—302) Исторія Магомета и его первыхъ преемниковъ. (310—328) Полемика съ латинянами. (329—378) Полемика съ мусульманами. (379—383) О причинахъ грома, молній, землетресеній, появленій кометъ. (396—399) Исторія Момевасіи. (431—446) Изъясненіе символа върв. (207—209) Примилюченіи Ееранна.

представляющею погодный набросокъ, обширность котораго обусловливается отнюдь не относительною важностью событій (напрямѣръ, взятію Византіи удѣленъ тамъ всего одинъ столбецъ), а личными соображеніями автора, очевидно намѣревавашагося развить сказанное вкратцѣ, а недостающее дополнить, какъ на основаніи личныхъ воспоминаній, такъ и показаній современниковъ, книжныхъ и устныхъ. Такое совмѣстное существованіе двухъ редакцій для насъ въ высшей степени важно, потому что изъ сличенія ихъ мы можемъ опредѣлить время написанія не только всего сочиненія, но въ главныхъ чертахъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ частности главы, посвященной осадѣ Византіи въ 1453 г. Если относить первоначальную редакцію къ 1477 году, такъ какъ годъ этотъ представляется естественнымъ предѣломъ разказа, тутъ и обрывающагося, то мы изъ этого необходимо должны вывести то заключеніе, что всѣ не встрѣчающіеся въ *Chronicon Minus* эпизоды суть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное между 1477—1488 годами, послѣдній срокъ дается вторымъ предисловіемъ; при семъ, не дѣлая особенно смѣлыхъ предположеній, мы можемъ сузить предѣлы до 1481 г., принимая во вниманіе, что позднѣйшее событіе, о какомъ встрѣчается упоминаніе, есть смерть Мехмета. Не смотря на то, что Франдзи находился въ ту пору въ очень преклонномъ возрастѣ, не смотря на то, что въ 1477 году здоровье его было потрясено опасною болѣзью, послѣ которой онъ оставался нѣкоторое время полуслѣпымъ, полуглухимъ, по его собственному сознанію, мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ основаній отвергать принадлежности ему второй дополнительной редакціи; на оборотъ, можно даже представить въ подтвержденіе такого предположенія нѣсколько доводовъ; самый сильный изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ *Annales* находится полное и подробное описаніе геройской обороны Византіи отъ турокъ, носящее на себѣ отпечатокъ, не допускающій даже малѣйшаго сомнѣнія относительно принадлежности Франдзи, который говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ и выставляетъ на видъ ту долю участія, какую онъ и самъ принималъ въ совершившихся событіяхъ.

Конечно, нельзя совершенно отрицать, чтобы нѣкоторыя части сочиненія Франдзи не возбуждали извѣстной доли подозрѣнія своею законченностью, цѣльностью и обработкой, выдѣляющими ихъ изъ общаго тона повѣствованія лѣтописца,—точно ли лицо, писавшее то и другое, было одно и то же, нѣтъ ли тутъ позднѣйшихъ вставокъ и передѣловъ; хотя бы, напримѣръ, эпизодъ, посвященный краткой исторіи турокъ отъ ихъ происхожденія до смерти султана Мех-

мета II. По крайней мѣрѣ, о половинѣ событій, здѣсь разказанныхъ, дальше повѣствуется еще съ большою подробностью, тогда какъ упоминаніе Мехметова похода на Караманъ встрѣчается лишь въ одной турецкой исторіи, хотя событіе это предшествовало осадѣ Византіи, почему и естественно было искать тамъ о немъ болѣе подробнаго повѣствованія. Но всѣ эти соображенія не такой силы, чтобы поколебать полную принадлежность анналовъ перу Франдзи, потому что при каждомъ почти сомнительномъ эпизодѣ существуютъ доводы, ослабляющіе причины сомнѣній. Напримѣръ, возьмемъ тотъ же эпизодъ о турецкой исторіи; корень ея, по моему, находится въ *Chronicon Minus*, гдѣ въ соответствующемъ мѣстѣ содержится перечисленіе турецкихъ султановъ, такъ что отсюда въ дальнѣйшемъ развитіи могъ возникнуть занимающій насъ эпизодъ. Точно также работанность одной части сравнительно съ другою никоимъ образомъ не можетъ служить для какихъ бы то ни было заключеній, и вотъ почему: Франдзи, вообще, старался придать своимъ анналамъ болѣе совершенную форму, чѣмъ *Chronicon Minus*; самаго поверхностнаго сличенія достаточно для того, чтобы увидѣть разницу въ слогахъ, отдѣляющую одну редакцію отъ другой, но, конечно, онъ въ этомъ не ведалъ одинаково успѣлъ, ибо не во всѣхъ частяхъ работалъ съ одинаковымъ напряженіемъ.

Франдзи въ своемъ повѣствованіи, какъ я уже сказалъ, руководствовался не одними только личными воспоминаніями и свидѣтельствомъ лицъ, бывшихъ очевидцами событій¹⁾; источникомъ ему служило также письменное преданіе. Такъ, напримѣръ, въ первомъ предисловіи онъ сгдвовалъ Георгію Акрополитѣ (*Allatius, Diatriba de Georgiis*), и сокращеніе сочиненія Никифора Григоры, обнимающаго начальную исторію дома Палеологовъ, составляетъ содержаніе его первыхъ главъ (*Pontanus*).

Не смотря на всю разнородность содержанія, духъ сочиненія ведалъ одинаковъ. Удрученный горемъ и годами, изможденный болѣзнями, старикъ описываетъ со смиреніемъ и незлобіемъ, — плодомъ монастырскаго уединенія и пережитыхъ несчастій — все видѣнное и слышанное имъ на долгомъ поприщѣ его многообразной дѣятельности. Онъ да-

¹⁾ Τα μὲν ὑπὸ ἀξιοπιστῶν καὶ σοφῶν συγγραφέων γεγραμμένα μέρος εἶδόμεν τὰ δὲ ὑπ' ἀρχόντων τῆς βασιλικῆς βουλῆς καὶ αὐτῆς καὶ τῆς συγχλήτου σοφῶν καὶ συνετῶν καὶ ἡραίων ἀκούσαμεν. Напримѣръ, господара Дмитрія въ разказѣ о поведѣніи императора во Флоренцію и Венецію.

лекъ отъ того, чтобы оснпать упреками латинъ или турокъ, цѣль его только возстановить честь императора, родины и греческаго православія, тѣмъ болѣе, что послѣднее находилось въ особенной опасности: съ одной стороны, латини отторгали посредствомъ уни нѣкоторую часть греческой церкви, съ другой—каждый день она несла потери въ лицѣ принимавшихъ мусульманство. При видѣ торжества ислама надъ христіанствомъ, торжества, достигнутаго лишь силою оружія, Франдзи старается пространно доказать неизмѣримое нравственное превосходство греческой вѣры, желая укрупнить богословскими разсужденіями въ православіи своихъ соотечественниковъ.

Разказъ Франдзи о паденіи Византіи представляетъ наиболее цѣльную и обработанную часть его сочиненія. Помимо подробнаго и надежнаго повѣствованія о ходѣ осады, сочиненіе *φλαληθους* Франдзи, какъ его называетъ Паспати, имѣетъ то неоспоримое преимущество надъ другими источниками, что изъ него мы черпаемъ много свѣдѣній о закулисной сторонѣ дѣла, которая никому иному не могла быть извѣстна, кромѣ присныхъ императора.

Языкъ Франдзи не отличается ни чистотою формъ, ни изяществомъ выраженія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ глубины чувства, самый слогъ теряетъ свою вялость и становится живымъ и сильнымъ, въ особенности вслѣдствіе цитатъ изъ Св. Писанія.

Изданъ Франдзи впервые въ латинскомъ переводѣ Понтана, въ началѣ XVII вѣка.

2. Кр и т о в у л ь .

Въ числѣ важныхъ источниковъ для изучаемаго нами вопроса находится также исторія царствованія Мехмета II, написанная Кривоуломъ, съ острова Имвроса. Хотя самъ Кривоуль, принимавшій важное участіе въ событіяхъ своего вѣка, не могъ оставаться невѣдомымъ современникамъ, тѣмъ не менѣе ни у одного изъ византійскихъ писателей XV вѣка мы не находимъ указаній о его жизни и дѣятельности, и потому всѣ наши свѣдѣнія о немъ основываются лишь на томъ, что онъ говоритъ о себѣ самъ. Въ ту эпоху, когда турки готовы были овладѣть Византією, когда отношенія между двумя народами, не смотря на ихъ враждебность, были чрезвычайно тѣсны, часто встрѣчались люди, благопріятствовавшіе туркамъ изъ корыстныхъ разчетовъ. Когда же прекратилось самостоятельное су-

ществованіе Византіи и на Цареградскомъ престолѣ султаны смѣняли императоровъ, близкія сношенія побѣдителей съ побѣжденными стали еще болѣе необходимыми въ силу самихъ вещей, при чемъ среди грековъ не только нашлось много лицъ, которыя подчинились новому порядку, сознавая свое безсиліе сопротивляться ему, но нашлись даже такія, которыя не замедлили направить къ своему личному благу общее бѣдствіе своихъ единовѣрцевъ, стараясь угодить новому повелителю, снискать его благоволеніе, для чего въ случаѣ нужды не затруднялись измѣнять своему православію.

Послѣдняго не приходилось дѣлать грекамъ, ученымъ и литераторамъ: въ ихъ рукахъ было иное средство расположить къ себѣ поклонника наукъ и искусствъ, славолюбиваго Мехмета, поставившаго своимъ идеаломъ Александра Великаго и зачитывавшагося (по свидѣтельству венеціанца Ясосо Langusto L. D. 6, 7) подвигами древнихъ героевъ въ исторіяхъ: Геродота, Квинта Курція, Ливія и др. Для снисканія милостей Мехмета нужно было увѣковѣчить его подвиги литературными памятниками, въ которыхъ передъ всѣмъ свѣтомъ выставлялась бы доблесть героя новаго времени. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и авторъ исторіи Мехмета Критовуль, всегда стоявшій на сторонѣ турокъ и подъ конецъ захотѣвшій доказать свою преданность султану не одною только политическою, но и литературною дѣятельностью. Критовуль предвидѣлъ однако, какимъ напакамъ подвергнется онъ, грекъ родомъ, выступая панегиристомъ исконнаго врага греческаго міра, поработителя Византіи, котораго другіе историки той же эпохи награждали неслестными эпитетами зловѣрнаго, безбожнаго, ненасытнаго онагра, коварнаго кровопійцы (Pusc. II 261 *τύραννος δόσσεβής, εχθρός πατρίανος, αντίχριστος, δόλετηρ τοῦ γένους ἡμῶν*). Чтобы оправдать себя въ глазахъ читателей (Посвященіе Мехмету и первыя три главы первой книги), Критовуль объясняетъ истинную цѣль и намѣреніе своего сочиненія: желаніе его возстановить непрерывность исторіи, которая, повѣствуя о подвигахъ древнихъ героевъ, ничего не говоритъ о событіяхъ новыхъ, хотя они по важности ни въ чемъ не уступаютъ древнимъ. „Какъ пала старая Византійская имперія и на развалинахъ ея воздвиглась новая, какъ старыхъ повелителей смѣнилъ новый, благодаря своимъ подвигамъ вобладавшій надъ половиною вселенной, объ этомъ хочеть говорить Критовуль, чтобы событія эти не вверглись въ пучину забвенія, но пребывали бы живыми въ народной памяти для назиданія потомства“. Писать объ этомъ можетъ онъ, не боясь упрековъ со стороны

грековъ, ибо нельзя же требовать отъ Византійской имперіи, чтобы она одна оставалась несокрушимой, когда все кругомъ разрушилось и измѣнилось: такова судьба людей. Всемирное господство переходило преимущественно то къ ассирійцамъ, то къ мидянамъ и персамъ, то къ эллинамъ и римлянамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, должны уступить его туркамъ. Не довольствуясь этими общими разсужденіями о бренности всего земнаго и измѣчивости счастья, чѣмъ греки освобождаются отъ всякой вины въ происшедшемъ, Критувуль въ свое оправданіе приводитъ примѣръ Іосифа Флавія, также описывавшаго гибель своего народа и подвиги порабитителей его римлянъ.

Но относительно объясненій Критувула можно съ правомъ пригнѣнить французскую поговорку: *qui s'excuse s'accuse*. Въ самомъ дѣлѣ автору можно было бы повѣрить въ чистотѣ его намѣреній, еслибы онъ не обличалъ противнаго каждою своею строчкой. Онъ не только превозноситъ Мехмета за все то, что дѣйствительно могло возбуждать удивленіе среди современниковъ, но прибѣгаетъ даже къ искаженію или замолчанію фактовъ, если они не говорятъ въ пользу его героя; такъ напримѣръ, Критувуль ни полсловомъ не обмолвился объ убіеніи Мехметомъ роднаго брата, о Бѣлградскомъ пораженіи, въ которомъ отерито признается Сеидъ-единъ; онъ умалчиваетъ значеніе побѣдъ Скандербега и пр. Зная, чѣмъ польстить Мехмету, стремившемуся выставить себя преемникомъ Византійскихъ императоровъ, Критувуль во всѣхъ случаяхъ называетъ его βασιλεύς, а не ἀμνηρς какъ другіе источники. Правда, въ своемъ восхваленіи Мехмета Критувуль не доходитъ до такой степени приниженія, до какой ниспускается другой панегиристъ побѣдителя Византіи, трапезунтскій грекъ Георгій Амируци, льстившій Мехмету, уже совсѣмъ забывъ о томъ, что существуетъ на свѣтѣ совѣсть (*Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος*. Αθῆν. 1885, τόμ. δεύτερος, 275—282 изъ Λαμπρός), Амируци называетъ, напримѣръ, Мехмета, „сверкающею звѣздою, ослѣпительнымъ свѣточемъ, любителемъ образованности и поклонникомъ музъ, вitezемъ и царемъ елливовъ“, или въ другомъ хвалебномъ гимнѣ онъ обращается къ Мехмету въ такихъ выраженіяхъ: „Великій царь царей, владыка, высочайшій изъ высочайшихъ ханъ, свѣтлое солнце, золотыми лучами своими ослѣпляющее все тебѣ подвластное, привѣтствую тебѣ (*χαῖρε*), скипетродержатель вселенной, ибо если остались еще люди, гордящіеся своею силою, то и тѣ дрожа подчиняются твоему могуществу, потому что одинъ ты владыка на свѣтѣ, повелѣвающій всѣми земными царями; привѣтствую тебѣ, справедливѣйшій

изъ справедливыхъ государь, ты дорожишь лишь однимъ вѣнцомъ— вѣнцомъ справедливости, вознаграждая добрыхъ и наказуя злыхъ¹⁾. Въ третьемъ стихотвореніи Амируци торжественно заявляетъ, „что въ Мехметѣ чудодѣйственнымъ образомъ соединились мудрость, скромность (sic!), храбрость, отвага, милосердіе, справедливость, благотворительность, какого соединенія не встрѣчается ни въ одномъ другомъ смертномъ“¹⁾.

Такимъ образомъ Критовулъ является не единственнымъ перебѣжникомъ въ лагерь турокъ; такихъ перебѣжниковъ на оборотъ было очень много. Это обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ легко приняла турецкое завоеваніе часть Византійскаго общества и какъ понизились его нравственные идеалы, если изъ среды его выходили такіе беззащитныя слуги поработителей отечества. Къ чести Критовула нужно однако сказать, что онъ никогда не отзывался дурно о своихъ соотечественникахъ; въ его изображеніи сглаживаются даже тѣ застарѣлыя недуги, которые подтачивали изо дня въ день существованіе Византіи и заставили ее наконецъ рухнуть, не смотря на геройскую оборону ея защитниковъ. Въ изложеніи Критовула Византіи является скорѣе мощною и сильною, чѣмъ ослабленною и одряхлѣвшею. Виновныхъ въ ея паденіи нѣтъ, ибо всю вину авторъ сваливаетъ, благодаря своему историческому фатализму, на судьбу, избѣжать которой никто не можетъ.

Опредѣливъ степень безпристрастія автора въ изображеніи описываемыхъ имъ событій, посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ могъ онъ ихъ знать. Вотъ его подлинныя слова (Письмо къ султану, ст. 53): „Послѣ упорнаго труда составилъ я эту книгу, ибо самъ не присутствовалъ при событіяхъ и не зналъ точнаго ихъ хода, но я разширивалъ очевидцевъ и восстанавливалъ такимъ образомъ истину“²⁾. Не смотря на эти старанія, Критовулъ не избѣгъ ошибокъ, въ особенности въ упоминаніяхъ именъ не греческихъ и не турецкихъ³⁾. Какъ бы въ замѣнъ того, близкое знакомство и связи среди вліятельныхъ турокъ дали Критовулу возможность сообщить нѣсколько свѣдѣній, какихъ мы не находимъ у другихъ историковъ, о томъ,

¹⁾ Нѣкоторые свѣданія о жизни Амируци приводитъ *Λαμπρός* въ предисловіи къ изданію стихотвореній. Тамъ приведены и отзывы объ Амируци Критовула: Ст. IV, 9, 2, 3, который говоритъ съ большою похвалою объ умѣ и образованіи Амируци. Письмо о визитѣ Трапезунта у *Migne*, т. 161.

²⁾ Джустиніани названъ Юстиномъ; вмѣсто Сербскаго краля Георгія—Лазарь, вмѣсто папы Каллиста II—его предшественникъ Николай V.

что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ. Таковы диспозиціи турецкихъ войскъ, имена военачальниковъ, описаніе экспедицій султана противъ Оерапіи, Студійской крѣпости и Принцевыхъ острововъ. Предметъ, который всего ближе извѣстенъ автору—это исторія острова Имвроса, въ которой Критовуль принималъ непосредственное и дѣятельное участіе. Когда его соотечественники боялись за свою судьбу послѣ паденія Византіи, Критовуль предложилъ имъ отправить посольство къ Мехмету, благодаря чему Имвросъ сохранялъ свою независимость. Въ 1456 году Критовуль получилъ отъ султана тотъ же островъ въ управленіе и спасъ его для турокъ отъ венеціанскаго нашествія, случившагося въ слѣдующемъ году. Впослѣдствіи Критовуль не переставалъ играть выдающуюся роль въ исторіи Имвроса, постоянно держа сторону турокъ и оказывая имъ существенныя услуги. При его, напримѣръ, содѣйствіи острова Лемносъ съ Имвросомъ подчинились Мехмету, который отдалъ ихъ тестю своему Дмитрію Палеологу, опять-таки не безъ посредства Критовула, который, безъ сомнѣнія, продолжалъ управлять островомъ Имвросомъ отъ имени Палеолога, какъ раньше управлялъ отъ имени султана. Въ 1466 году, когда Имвросъ былъ занятъ венеціанцами, нашъ историкъ удалился въ Византію, гдѣ и окончилъ свое сочиненіе въ періодъ времени отъ 1466—1470 гг., по остроумнымъ соображеніямъ Миллера. Дѣло въ томъ, что, вопервыхъ, Критовуль описываетъ какъ очевидецъ чуму, свирѣпствовавшую въ Византіи въ 1467 году (доказательство, что онъ былъ тамъ), а вовторыхъ, онъ не говоритъ ни слова о побѣдѣ, одержанной турками надъ венеціанцами въ 1470 году, о чемъ онъ не преминулъ бы сказать къ вышему прославленію своего героя. О смерти его мы не знаемъ ничего; можетъ быть онъ и поступилъ въ монастырь на Аеопъ, какъ это говоритъ Тишендорфъ ¹⁾, не приводя однако основанія для своихъ словъ. Исторія его кончилась на семнадцатомъ годѣ царствованія Мехмета, вѣроятно, потому, что султанъ не догадался поощрить Критовуловы занятія исторіею, а можетъ быть, и другія обстоятельства помѣшали окончанію его труда. Вѣрнаго сказать ничего нельзя.

Подводя итогъ сказанному о сочиненіи Критовула, мы видимъ, что о занимающемъ насъ вопросѣ о паденіи Византіи Критовуль пишетъ не какъ очевидецъ и съ заранѣе предвзятою цѣлью восхвалять своего героя Мехмета. Сравнительная отдаленность описываемаго со-

¹⁾ Notitia editionis codicis Bibliarum Sinaitici. Лейпцигъ. 1860.

бытія (14—17 лѣтъ), котораго притомъ авторъ не видѣлъ лично, порождаетъ неточности, въ особенности въ хронологіи, а пристрастіе и желаніе написать Мехмету панегирикъ заставляютъ иногда автора если не исказять факты совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, придавать имъ иную окраску. Такіе общіе недостатки усугубляются еще формою изложенія: Критовуль, подражая Фукидиду, изъ котораго онъ заимствуетъ цѣлкомъ многіе обороты рѣчи, представляетъ и героя своего Мехмета чѣмъ-то среднимъ между Вразидомъ и Александромъ Македонскимъ. Въ уста Мехмета Критовуль влагаетъ такія рѣчи, какія могли произносить только дѣятели Пелопоннесской войны, да и то пожалуй лишь въ воображеніи ихъ историковъ. Мѣстности и народы носятъ у Критовула не тѣ названія и имена, которыя они имѣли во время описываемыхъ имъ событій, а тѣ, какія носили въ древности, благодаря чему происходятъ новыя неточности, вслѣдствіе плохаго искусства автора приурочивать древнія имена къ новымъ: Монемазія, наприимѣръ, называется голоднымъ Епидавромъ.

Авторъ подражаетъ Фукидиду и въ языкѣ, но, не умѣя съ еукидидовскою свободою располагать богатствомъ греческаго языка, грѣшитъ многорѣчіемъ и однообразными, утомительными повтореніями однихъ и тѣхъ же оборотовъ, единственно вслѣдствіе желанія выразиться изыщаннѣе, чѣмъ можетъ. Когда же Критовуль оставляетъ неудачныя попытки въ аттическомъ краснорѣчьи и обращается къ простому повѣствованію, тогда онъ умѣетъ придавать своей рѣчи ясность и стройность, устраняя въ то же время съ успѣхомъ латинскія и славянскія слова, обильно вкравшіяся въ греческій простонародный говоръ, и пользуясь съ послѣдовательностью формами и синтаксисомъ древняго языка, хотя ему все-таки не удается удержаться на одномъ чистомъ аттицизмѣ, а приходится употреблять въ дѣло не только іоническія, но даже и позднѣйшія реченія такъ-называемые *χοινῆς διαλέκτου*.

Издано сочиненіе Критовула Карломъ Миллеромъ въ пятомъ томѣ *Fragmenta Historicorum Graecorum* по рукописи, найденной въ Сераляѣ. Къ изданію приложены описаніе самой рукописи и біографія съ оцѣнкой трудовъ Критовула. Подъ текстомъ находится по истинѣ монументальный комментарий, въ которомъ Миллеромъ сведены всѣ извѣстія современныхъ писателей, способствующія освѣщенію сочиненія Критовула, и оцѣнѣ его, какъ историческаго источника. Имѣетъ большое значеніе и то обстоятельство, что Миллеръ употребилъ для этой цѣли Пускула, источникъ очень важный, которымъ пренебре-

гали однако византійскіе историки послѣ его издателя Елисепа. Въ виду сказаннаго трудъ Миллера вмѣстѣ съ сочиненіемъ Neud'a долженъ быть руководящею книгою для всякаго, изучающаго паденіе Византіи.

О Кривовулѣ въ 1870 г. появилась живая и интересно написанная статья Ubicini, основаніемъ которой послужило изслѣдованіе Миллера (*Annuaire de l'Association pour l'encouragement des Etudes Grecques*. 1871, стр. 49). Убичини развиваеъ и дополняетъ слова Миллера, но попытки его читать между строкъ Кривовула не всегда можно признать удачными.

3. Дука.

Другой историкъ той же эпохи Дука оставилъ разказъ о разореніи Византіи турками—въ своей *Historia Byzantina*. Дука былъ потомокъ знатной византійской фамиліи, но самъ въ Цареградѣ не жилъ, потому что еще дѣдъ его Михаилъ принужденъ былъ покинуть родной городъ и бѣжать въ Малую Азію, въ Ефесъ, гдѣ и поселился навсегда. Съ тѣхъ поръ сынъ его и внукъ не возвращались въ Византію, перейдя на службу къ богатому и могущественному Гателузи, по дѣламъ котораго нашъ историкъ Дука отправлялся нерѣдко къ султану и визирямъ съ посольствами. Вотъ, въ краткихъ словахъ, тѣ немногія свѣдѣнія, какія мы почерпаемъ изъ малочисленныхъ упоминаній Дуки о самомъ себѣ (ст. 162, 165, 248, 257, 260, 287, 318, 321, 326, 328, 334, 337).

Сочиненіе Дуки распадается на двѣ неравныя части. Первая совершенно законченная и обработанная (съ 1 по 318 стр.) содержитъ въ себѣ разказъ о томъ, какъ сбылись мысли дѣда историка, бывшія въ то же время его собственными,—что „скоро вся Фракія до Дуная подчинится власти турокъ, и турки станутъ обладателями и повелителями ея, какъ недавно покорили еще Фригію и Малую Азію по волѣ Божіей, наказующей Византію за грѣхи ея“. Въ этой части, за краткимъ перечнемъ событій со времени Адама до 1341 года, слѣдуетъ подробная исторія событій отъ 1341—1453. Вторая, меньшая и хуже обработанная часть есть погодное изложеніе событій, предпринятое авторомъ не безъ колебанія, потому что онъ хотѣлъ сначала закончить свою Византійскую исторію паденіемъ самой Византіи, и только потомъ уже рѣшился продолжать свое сочиненіе въ надеждѣ, что ему еще вридется описывать избавленіе роднаго города отъ власти

невѣрныхъ. См. Дис. 319 с. Трудно опредѣлить навѣрное время написанія исторіи Дуки; была ли сначала обработана первая ея часть и потомъ къ ней уже присоединена вторая, представляющая скорѣе сюдь замѣтокъ и записей, чѣмъ настоящую исторію,—или сочиненіе написано цѣликомъ послѣ 1462 года. Мнѣ кажется, что первое предположеніе вѣроятнѣе, ибо за него говоритъ какъ цѣльность и обработанность первой части, сравнительно со второю, мало отдѣланною, такъ и второе предисловіе, разбивающее все повѣствованіе на двѣ половины, неравныя по объему и различныя по содержанию, безъ котораго, конечно, могъ бы обойтись авторъ, еслибъ онъ писалъ сочиненіе цѣликомъ.

Точка зрѣнія, съ какой Дука смотритъ на совершившіяся событія, крайне враждебна Византіи и очень благопріятна Западу. Дука никогда не могъ простить Византіи, что хѣдъ его принужденъ былъ бѣжать изъ нея: съ злорадствомъ описываетъ онъ неспособность и раздоры Палеологовъ, когда имперія находилась на краю гибели; съ негодованіемъ изображаетъ пороки и упорство въ заблужденіяхъ народа, православіе котораго было противно его латинскому настроенію мыслей. Первый герой Дуки — императоръ Іоаннъ, сторонникъ Запада, принявшій унію; о послѣднемъ защитникѣ Византіи, императорѣ Константинѣ, который не любилъ въ душѣ Запада, Дука говоритъ, не воздавая должнаго ни его храбрости, ни его неутомимой дѣятельности ¹⁾. Что же касается Запада, то Дука рисуетъ самыми яркими красками геройство венеціанцевъ и генуезцевъ, въ особенности вождя ихъ Джустиніани, самое удаленіе котораго послѣ раны въ рѣшительную минуту приступа, этотъ историкъ старается представить въ благопріятномъ видѣ, противорѣча многимъ другимъ источникамъ. Даже для недостойнаго поведенія Галаты, служившей одновременно туркамъ и византійцамъ; онъ находитъ оправданіе, для чего не стѣсняется подтасовывать факты.

Разказъ Дуки относительно самаго паденія Византіи отличается большою полнотою и картинностью, но, къ сожалѣнію, точность не составляетъ его достоинства. На основаніи многихъ мѣстъ, гдѣ Дука

¹⁾ Дука говоритъ даже по поводу раны Джустиніани, что императоръ оробѣлъ и потерялся ἐδολάσεν, чего, во первыхъ, онъ и знать не могъ, а во вторыхъ, о чемъ говорятъ иначе другіе болѣе надежные источники, а въ уста императору влагаетъ предсмертныя слова: „Развѣ нѣтъ здѣсь христіановъ, чтобы отрубить мнѣ голову?“

расходится съ свидѣтельствомъ самовидцевъ (хотя бы въ вопросѣ объ экспедиціи Коко, о послѣднемъ приступѣ), на основаніи того, что Дука, по его собственнымъ словамъ, собиралъ немедленно послѣ войны свѣдѣнія отъ очевидцевъ о ходѣ событій (287, 20: καὶ γὰρ ἐγὼ μετὰ τὸν πόλεμον ἐνέτυχον πολλοῖς καὶ διηγήσαντο μοῖ, πῶς φοβούμενοι τοὺς ἔμπροσθεν ἐσφάττομεν τοὺς προλαβόντας), мы можемъ заключить съ вѣроятностью, что авторъ не былъ въ Византіи во время ея паденія, иначе онъ обмолвился бы хоть словомъ о томъ, что случилось съ нимъ во время ввѣтія города турками, какъ это дѣлаютъ свидѣтели событій: Франдзи, Леонардъ Хиосскій, Барбаро, Пускулъ, Тедалди. Но съ другой стороны мы не можемъ отрицать того, что авторъ былъ въ окрестностяхъ Византіи въ теченіи зимы, предшествовавшей осадѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненіе Дуки, написанное по свѣжимъ слѣдамъ самаго событія, является важнымъ историческимъ источникомъ, но при пользованіи имъ не нужно упускать изъ виду точку зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на лица и вещи. Въ частности, въ занимающемъ насъ вопросѣ Дука не можетъ быть авторитетнымъ свидѣтелемъ, какъ человѣкъ ослѣпленный пристрастіемъ къ однимъ и ненавистью къ другимъ. Изъ всей *Historiae Byzantinae* наибольшую полноту и точностью отличается разказъ о судьбахъ западнаго побережья Малой Азіи и острововъ Архипелага, исторія которыхъ совершалась на глазахъ самого дѣписателя, наименьшею основательностію сообщенія о славянахъ и венгерской исторіи, которая извѣстна нашему автору только въ самыхъ общихъ и смутныхъ чертахъ. Писавшій языкомъ, запечатлѣннымъ сильнымъ вліяніемъ простонародной рѣчи, Дука въ этомъ отношеніи стоитъ ниже не особенно искуснаго аттениста Франдзи, но за то далеко превосходитъ послѣдняго литературною обработкой своего сочиненія, обладающаго относительною стройностію и свободнаго отъ эпизодическихъ вставокъ.

Editio princeps Bullialdi graece et latine Parisiis, 1649 повторено въ Венеціи 1729. Боннское изданіе 1834 съ краткимъ предисловіемъ Беккера, перепечаткой предисловія и комментарія Буллиалда; здѣсь же приложенъ открытый знаменитымъ Ранке италіанскій переводъ исторіи Дуки; переводъ этотъ, передавая текстъ въ нѣсколько со-

¹⁾ Дука говоритъ самъ о трупахъ экипажа корабля Риццо 248,1: νεκροὺς, οὓς καὶ ἐγὼ εἶδον μεθ' ἡμέρας ὀλίγας ἐκαὶ διαγομένου μοῦ (въ Дидимотихіи).

кращенномъ видѣ представляетъ любопытныя дополненія по вопросу о сношеніи Византіи съ Западомъ. Изданіе Беккера перепечатано у Migne, Patr. Graeca.

4. Леонардъ Хіосскій.

Письмо о паденіи Византіи, отправленное къ папѣ Николаю V Леонардомъ Хіосскимъ, архіепископомъ Митиленскимъ, слутникомъ и сотрудникомъ Исидора, митрополита Кіевскаго и всея Россіи, является для насъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи. Донесеніе Леонарда пріобрѣтаетъ еще особую цѣну въ томъ отношеніи, что оно написано немедленно (26-го августа 1453 г.) послѣ страшнаго событія, всѣ подробности котораго были еще свѣжи въ памяти его свидѣтелей. Мѣстомъ написанія былъ островъ Хіосъ, куда спаслись всѣ избѣгшіе гибели и плѣна, и гдѣ Леонардъ могъ легко возстановить въ памяти то, что онъ забылъ, и провѣрить то, въ чемъ сомнѣвался. По самой своей роли въ совершавшихся событіяхъ, Леонардъ наиболѣе зналъ объ униі, которую онъ вводилъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и которой въ своемъ донесеніи онъ отводитъ большое мѣсто. Въ минуту общей тревоги и ужаса, охватившихъ весь міръ при извѣстіяхъ о новыхъ побѣдахъ турокъ, о новыхъ потеряхъ христіанства, раздавались, конечно, голоса, обвинявшіе папу, который такъ недостойно допустилъ гибель Византіи. Такимъ людямъ Леонардъ старается доказать, что кара, постигшая Византію, вызвана не небреженіемъ и нерадѣніемъ папъ, а поразила грековъ за отступленіе отъ лона католической церкви и за притворное, неискреннее присоединеніе къ ней. Желая убѣдить весь міръ, что „non unio facta, sed unio ficta civitatem perdidit“, авторъ часто прерываетъ нить своего повѣствованія для богословскихъ споровъ и разсужденій; обличая греческія заблужденія, Леонардъ мрачными красками рисуетъ разложеніе общества, въ которомъ пало все: нравственность, честь, патриотизмъ, и осталось только упорство въ ошибкахъ, вызываемое не глубиною убѣжденія, а презрѣннымъ самолюбіемъ.

Имѣя въ виду эту точку зрѣнія автора, нужно пользоваться съ осторожностью его повѣствованіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно, покидая борьбу грековъ съ турками, говоритъ объ отношеніяхъ Востока къ Западу.

Изданія:

Chronici Turcicorum, т. I, 315—356. Филиппъ Лошицеръ. Франкфуртъ. 1584.

Historia captae a Turca Constantinopolis, a Leonardo Chienst. Rothing. 1544.

Leonardii Chienstis, Mitylensaei Archiepiscopi historia de urbis Constantinopoleos jactura captivitateque. Basil. 1562. Изд. Рейснера.

Patrologia Graeca, Migne, t. 159, p. 923, 944, исправленное издание по Ватиканской рукописи.

Atti della società Ligure di storia patria, t. XIII, 223—257.

И. И. Срезневскій указываетъ другой годъ Франкфуртскому изданію Леонарда: у него стоитъ 1578 и 1598.

5. Халкокондилъ ¹⁾.

Знатный афинянинъ также разказываетъ о паденіи Византіи въ ἀπόδειξις ἱστοριῶν, повѣствуящихъ о ξυννευχθέντων, οὐδαμῆ ὡς ἐμοὶ δοκεῖ ἐλασσόνων τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ποτε γενομένων μνήμησ ἀξίων τῆς τε Ἑλλήνων φημί τελευταῖας τὰ εἰς τὴν ἀρχὴν αὐτῶν ἐπισομβρηκότα καὶ Τοῦρκων ἐπὶ μέγα δυνάμειος καὶ ἐπὶ μεγίστων τῶν πόποτος γενομένων. Въ своей исторіи Халкокондилъ изображаетъ ростъ могущества турокъ на развалинахъ Византійской имперіи и царства османлисовъ отъ 1298—1463, когда разказъ вдругъ обрывается на побѣдѣ, одержанной Мехметомъ II надъ венеціанцами и венграми. Не смотря на то, что авторъ былъ проникнутъ величіемъ и мировымъ значеніемъ событій, описать которыя онъ считалъ себя призваннымъ, ему не удалось справиться съ своимъ предпріятіемъ. Отсутствие стройности, происходящее отъ частныхъ отступленій, недостатокъ въ критической оцѣнкѣ приводимыхъ свѣдѣній, испорченный языкъ и вялое изложеніе служатъ признаками упадка, во времена котораго писалъ Лаоникъ Халкокондилъ. Достоверность разказа о самой осадѣ Византіи ослабляется, во первыхъ, тѣмъ, что авторъ не былъ очевидцемъ описанныхъ происшествій, а во вторыхъ, отъ общаго труда нельзя требовать особой отчетливости въ изображеніи подробностей. Сказаннымъ объясняется второстепенное значеніе исторіи Халкокондила въ

¹⁾ Самаго имени его мы не знаемъ въ точности вълѣдствіе разнородныхъ чтеній, даваемыхъ рукописями то Халкокондилъ, то Халкокондиль; по видному, последнее чтеніе имѣетъ за себя болѣе основній, во первыхъ, потому что оно дается какъ лучшею, парижскою рукописью, такъ и самия текстомъ, а во вторыхъ, потому, что изъ Халкокондила мы легко можемъ допустить воликновеніе чтенія Халкокондиль, посредствомъ сокращенія столь обычнаго при двухъ одинаковыхъ слогахъ.

ряду другихъ источниковъ, повѣствующихъ о послѣднихъ дняхъ Византійской имперіи.

Какъ вслѣдствіе важности своего предмета, такъ и вслѣдствіе вниманія, обращеннаго на него знаменитымъ византинистомъ Вольфомъ, Лаоникъ Халкокондилъ изданъ много разъ и въ подлинникѣ, и въ переводахъ. Латинскій переводъ его исторіи, сдѣланный въ 1556 году въ Базелѣ Конрадомъ Клаузеромъ и сдѣланный съ не изданнымъ переводомъ Филиппа Гундела, напечатанъ во Франкфуртѣ въ 1568 г., какъ продолженіе изданій Зонары, Никиты Акомината изъ Хонъ и Никифора Григоры, благодаря чему получалось „*Integrum totius byzantinae historiae corpus et omnibus prope numeris suis ad, solutum*“ ¹⁾ (слова Вольфа). Греко-латинскій текстъ напечатанъ въ 1615 г. въ Генуѣ. Парижское изданіе 1650 съ глоссаріемъ Фабро и съ выписками изъ турецкихъ источниковъ, сдѣланными Левенклау, повторено въ Венеціи, въ 1726 г. Боннское изданіе Беккера 1843 переиздано у Migne въ *Patrologia Graeca*, 159 томъ, 1866 года.

6. Ἐρῆνος τῆς Κωνσταντινουπόλεως.

Авторъ сочиненія: Ἐρῆμος τῆς Κωνσταντινουπόλεως остается неизвѣстнымъ, ибо предположеніе Коранса въ "Атахта, будто имъ могъ быть Еммануилъ Георгила, описавшій чуму въ Родосѣ, не имѣетъ за собою сколько-нибудь прочныхъ основаній, какъ это доказано съ полною убѣдительною ²⁾ Еллисеномъ въ его *Analekten der mittel-und neugriechischen Literatur*. Band III, гдѣ помѣщенъ самый текстъ этого Плача. Тѣмъ не менѣе Егжеръ слѣдуетъ мнѣнію Коранса, противорѣча Дюканжу и Еллисену и не объясняя, какими соображеніями онъ при этомъ руководствуется. На мой взглядъ мы должны отказаться отъ попытокъ узнать имя автора, такъ какъ признаки, придаваемые имъ самимъ себѣ, слишкомъ общаго характера, для того чтобы бросать свѣтъ на его личность, памфлетно оставленную въ тѣни τοῦ νομα μεί οὐ γράφω τὸ διὰ τί ποτὶς ἔσωρῶ. Взамѣнъ того, благодаря изысканіямъ Еллисена выяснилъсь время написанія Плача, приходящееся на пространство трехъ лѣтъ отъ 1453 до 1456, что подтверждается слѣдующими соображеніями: во первыхъ, поэма эта упоминаетъ объ Іоаннѣ Гуніадѣ (526 стихъ), умершемъ въ 1456 году, еще какъ о паходящемся въ живыхъ, повторыхъ, резиденціей суд-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, ч. ССЛ, отд. 2. стр. 239.

²⁾ Стр. 12 и 13.

тана называется Адрианополь (749 и 782 стихи). (Какъ извѣстно Мехметъ перенесъ свое мѣстопробываніе въ Константинополь только на третій годъ послѣ его взятія). Папою, къ которому обращается авторъ, могъ быть или Николай V, или Каллистъ III (1447—1455, 1456—1458). Оба они съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковою безуспѣшностью проповѣдывали крестовый походъ противъ турокъ. Корансъ склоняется видѣть здѣсь Пія II, которому дѣйствительно хотъ отчасти удалось привести въ исполненіе тѣ проекты крестоваго похода, за которые онъ ратовалъ, бывши еще кардиналомъ; по мы должны отказать отъ мнѣнія Коранса на томъ основаніи, что понтификатъ Пія II относится ко времени болѣе позднему, нежели написаніе самой поэмы. Цѣль Плача подвигнуть на помощь поработенному востоку христіанскій западъ (468: *ἄλλοις μᾶς θάλει φάγεται*), которому также грозитъ опасность со стороны Мехмета. Авторъ поочередно обращается ко всѣмъ народамъ и государямъ Европы, призывая ихъ на помощь угнетенныхъ единовѣрцевъ. Единство поэмы постоянно нарушается отступленіями и повтореніями, благодаря которымъ и безъ того длинное произведеніе становится еще длиннѣе безъ всякой пользы и нужды. Въ изложеніи мы видимъ не только отсутствіе поэтическихъ образовъ, но даже сноснаго языка. Не смотря на это, авторъ берется за перо, чтобъ излить свой ужасъ и отчаяніе и возбудить состраданіе къ несчастіямъ Византіи среди народовъ Европы. Благодаря глубокому чувству, его одушевлявшему, вопреки своей бездарности и литературному неумѣнію, авторъ достигаетъ своей цѣли: читателя трогаетъ въ такой же мѣрѣ бѣдствіе Византіи, какъ безпомощность и неумѣлость пѣвца ея паденія. „Rien n'est triste et navrant comme ce cri d'une nationalité souffrante“¹⁾. Его описаніе, переносящее читателей въ среду пострадавшихъ отъ ужасовъ паденія Византіи, болѣе способно тронуть сердца, чѣмъ всѣ искусственныя цвѣты краснорѣчія, рассыпаемые въ рѣчахъ Энея Сильвія и Виссаріона. Авторъ въ своемъ произведеніи держится по возможности безпристрастной точки зрѣнія. Онъ признаетъ господство папы, къ которому обращается за помощью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далекъ отъ того, чтобъ осыпать упреками своихъ несчастныхъ соотечественниковъ за ихъ ереси и пороки, какъ это дѣлають Дука и Леонардъ Хюсскій. Значеніе *Ἐρῴνος*, какъ историческаго источника для изученія взятія Византіи турками, стоитъ невысоко; авторъ мало гово-

¹⁾ Выраженіе Эжера.

рять о ходѣ осады, останавливаясь главнымъ образомъ на ужасахъ, сопровождавшихъ самое паденіе. Изъ сообщаемыхъ свидѣній нѣкоторыя неосновательны, а нѣкоторыя прямо баснословны, какъ, на примѣръ, разказъ о судьбѣ императора Константина. Только два важныхъ свидѣтельства дастъ намъ авторъ *Ἐρῴως*: во первыхъ, общая общее число турецкихъ войскъ, при чемъ количество солдатъ, выставляемыхъ каждымъ округомъ, опредѣляется съ точностью, во вторыхъ, указывая на непрочность турецкаго господства во вновь завоеванной странѣ. По словамъ „Плача“, стоило только появиться западнымъ войскамъ, какъ въ Македоніи, Θρακίи, Елладѣ возникнетъ возстаніе, и крестоносцы найдутъ прочную поддержку въ христіанскихъ подданныхъ турокъ. Подобная мысль впоследствии возникала неоднократно у лицъ, предпринимавшихъ походы противъ турокъ. Какъ извѣстно, знаменитый Ласкарисъ былъ посланъ на Балканскій полуостровъ съ тѣмъ, чтобы тамъ разузнать настроеніе христіанъ.

Отъ внутренняго содержанія *Ἐρῴως* обратимся къ формѣ, въ какую оно облечено. Поэма эта, какъ и всѣ политическіе стихи, написана ямбическимъ каталектическимъ триметромъ, но автору не удалось выдержать схему взатаго размѣра; многочисленныя отступленія и нарушенія правилъ метрики до такой степени уродуютъ стихъ, что иногда онъ съ трудомъ поддается скандировкѣ, а языкъ, представляющій чистую *ρωμαϊκή*, дѣйствуетъ на читателей утомительно своею безжизненностью, растаянностью и отсутствіемъ яркихъ поэтическихъ образовъ. Авторъ такъ далеко отстоитъ отъ писателей, стремившихся формою изложенія и чистотой слога не уступать древнимъ, что даже трудно предположить въ немъ литературное образованіе. Не могъ же онъ одинъ писать нарочно народнымъ языкомъ, когда всѣ его современники стремились подражать *Θουκιδиду* и другимъ столпамъ аттическаго краснорѣчія. Да и познанія его въ исторіи, на сколько мы можемъ видѣть, были не велики. Нѣсколько упоминаній объ Иракліѣ, Юстиніанѣ—и только. Единственно, гдѣ авторъ является сильнымъ—это въ перечисленіи народовъ и государствъ Европы, которые ему извѣстны почти всѣ, за малыми лишь исключеніями.

Для описанія разграбленія Византіи, помимо другихъ источниковъ, можетъ служить *Mathaei Samogiotae de Constantinopoli capta narratio lamentabilis*. Камаріота, извѣстный риторъ и философъ своего времени, родомъ изъ Θεσσαλονικῆς, былъ сыномъ священника, погибшаго во время паденія Византіи. Кромѣ этого письма о плачевной участи Цареграда, переписаннаго риторомъ Зигомалою въ его сочиненіи о

пораженіяхъ и опасностяхъ Византіи (Крузе, Туркогредія I, 76), отъ того же автора сохранились еще *Synopsis* риторическій и восхваление трехъ іерарховъ Василія В., Григорія и Златоуста. Затѣмъ Камариотѣ приписываются сохранившіяся въ рукописи сочиненія *Mathaei Monachis et presbyteri Thessalonicensis de divina gratia et lumine adversus eos, qui creaturam dixere* и *Tractatus de eis, qui spuria et aliena docent in ecclesia. Narratio lamentabilis* напечатана у Migne, т. 160, стр. 1059. Монодія о паденіи Византіи, составленная Андроникомъ, сыномъ Каллиста, замѣчательна не только со стороны литературной, но также и со стороны исторической. Помимо картины разоренія и опустошенія, которую представляла Византія, захваченная турками (что мы можемъ найдти и въ другихъ источникахъ), мы находимъ тамъ описаніе стѣнъ, зданій и красоты Царегграда до его паденія. Самъ Каллистъ по свидѣтельству современниковъ обладалъ почти универсальнымъ званіемъ и истиннымъ краснорѣчіемъ. Знаменитый Филельфо жалѣлъ, напримѣръ, что ему не удалось найдти въ Византіи такого учителя. Жизнь свою, исполненную странствій, Андроникъ кончилъ во Франціи. Кромѣ монодіи на паденіе Византіи, ему принадлежать два трактата въ защиту философіи Платона и похвала Георгію Палеологу. Изданы всѣ они у Migne, т. 161, стр. 1131.

Γεωργίου Ἀμυροῦζη Ποιήματα, напечатанныя Лампромъ въ *Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας*. 1885, 2-й томъ, и его же письмо о разореніи Трапезунда (Migne, 161 томъ), любопытны не въ томъ отношеніи, что сообщаемая авторомъ характеристика султана истинна; на оборотъ, эта грубая лесть далека отъ правды, но самое появленіе подобныхъ хвалебныхъ сочиненій знаменательно, какъ доказательство того, съ какою легкостью часть византійскаго народа склонилась подъ турецкое ярмо.

По вопросу объ униі, исторія которой находится въ такой связи съ паденіемъ Византіи, мы имѣемъ источники въ изобиліи; для насъ въ особенности важны тѣ изъ нихъ, которые проливаютъ свѣтъ на отношеніе византійскаго народа къ униі; таковы сочиненія знаменитыхъ поборниковъ православія Марка Ефесскаго (Migne, *Patrologia graeca*, т. 160, стр. 1071 seq.), Георгія Схоларія (Migne, т. 160, стр. 1 seq.), а также противниковъ ихъ—Виссаріона Никейскаго и Іоанна Плузіадина (первый въ 161 т. Migne, а второй—т. 159 стр., 957 seq.). Сюда же примыкають *Κύριον Μανουὴλ τοῦ μεγάλου ρήτορος περὶ Μάρκου τοῦ Ἀγιωτάτου μητροπολίτου Ἐφέσου καὶ τῆς ἐν Φλωρεντίας συνόδου· καὶ περὶ Γεμίστου καὶ Βησσαρίωνος· καὶ ἀνατροπῆ τῶν δυσσεβῶν συγγραμμάτων αὐτῶν*

(напечатано пр. Троицкимъ въ Христіанскомъ Читеніи 1886 г., т. II, стр. 102 сл.). Сочиненіе это, выражая воззрѣнія византійскаго общества на унию, даетъ любопытную характеристику главныхъ дѣятелей Флорентійскаго собора. По вопросу о смерти Луки Нотары имѣетъ значеніе *Ιωάννου τοῦ Μόσχου λόγος ἐπιτάφιος ἐπὶ τῷ Λουκᾷ Νοταρᾷ*, изданный въ *Δελφίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος* 1887 г., т. II, стр. 413—424.

II.

Источники италянскаго происхожденія.

Источники, проливающіе свѣтъ на исторію послѣднихъ дней Византійской имперіи, происхожденіемъ своимъ связанные съ Италіей раздѣляются на двѣ неравныя группы, изъ которыхъ первую составляютъ памятники документальнаго характера, тогда какъ вторую образуютъ повѣствованія, основанныя какъ на личномъ знакомствѣ, такъ и на разказахъ очевидцевъ. Къ первой менѣе многочисленной принадлежатъ слѣдующіе памятники: Договоръ Мехмета II съ Галатой, содержащійся впрочемъ въ хроникѣ Долфина, помѣщенъ въ III томѣ *Acta et Diplomata Graeca* Миклошича на стр. 287 сл.; въ 13-мъ томѣ *Atti della società Ligure di storia patria*, fasc. primo, 226 и сл. Genova. 1884.

Письма подесты Галаты Ломеллино (*Atti*, XIII. 229—233, *Noticias et extraits* XI, 75—79, pag Sacy) и Джустиніани, который былъ назначенъ генуезскимъ сенатомъ заступить мѣсто Ломеллино, но не успѣлъ сдѣлать этого по случаю взятія Византіи турками (письмо его помѣщено въ *Atti*, VI, 19—21). Въ XIII же томѣ актовъ важныя документы (стр. 222) относительно тревожныхъ вѣстей, приходившихъ изъ Византіи въ Геную въ 1452 году, и посланіе генуезскаго сената къ королю Арагоніи по поводу коалиціи противъ турокъ (стр. 224—226). Тамъ же помѣщены указы сената, коими Ломеллино и Джустиніани назначались на свои должности (стр. 224). Изъ источниковъ, напечатанныхъ у Migne (т. 160, стр. 1201 sqq.), достойны вниманія *Nicolai Quinti Pontificis Maximi ad Constanti um Romanorum imperatorem epistula de unione ecclesiarum*.

Изъ болѣе крупныхъ источниковъ италянскаго происхожденія обращаетъ на себя вниманіе извѣстіе, полученное архіепископомъ Авиньонскимъ о паденіи Византіи, какъ потому что оно, не смотря

на свою важность и давнее появленіе въ печати, не привлекалось въ должной степени изслѣдователями при изученіи конца Восточной имперіи ¹⁾, такъ и потому, что взаимное отношеніе трехъ существующихъ редакцій не выяснено въ той мѣрѣ, въ какой это представляется желательнымъ.

Первая редакція на латинскомъ языкѣ напечатана Martin и Dugand въ V томѣ *Collectio amplissima* (786 sq. Парижъ. 1729), вторая, французская, составляетъ вводную часть въ *Histoire de Charles VII par Chartier sous-chantre de S. Denys, mise en lumière par Denys Godefroy*, и наконецъ третья, также на французскомъ языкѣ, извлечена Лефевромъ изъ Камбрейскаго архива (*La prise de Constantinople, recit des deux marchands florentins. Revue des Sociétés Savantes, 2-me serie, VIII, 500—505*).

Самаго поверхностнаго сличенія этихъ источниковъ достаточно для того, чтобы на основаніи тождественности ихъ содержанія убѣдиться въ однородности ихъ происхожденія, а при болѣе тщательномъ изслѣдованіи является даже возможность, если не возстановить съ полною точностью ихъ взаимныя отношенія, то во всякомъ случаѣ отдѣлить оригиналъ отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и переводовъ. *Tractatus de exurgnatione urbis Constantinopolitanae*, превосходя остальные редакціи какъ по точности сообщаемыхъ свѣдѣній, облеченныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ болѣе совершенную литературную форму, такъ и по времени своего возникновенія непосредственно за описываемымъ событіемъ, послужилъ безъ сомнѣнія первоисточникомъ, изъ котораго путемъ передѣлокъ и переводовъ возникли позднѣйшія французскія редакціи, потому что признать ихъ оригинальными нельзя въ силу слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, трудно допустить, если не умѣние, то по крайней мѣрѣ желаніе со стороны флорентинца писать по французски въ то время, когда переписка, въ особенности дипломатическая, велась по латыни; во-вторыхъ, въ пользу того же самаго говорить и болѣе позднее ихъ происхожденіе, которое доказывается приложеннымъ къ нимъ и отсутствующимъ въ *Tractatus* письмомъ Мехмета II къ папѣ.

Впрочемъ представляясь въ главныхъ чертахъ тождественными по содержанію и согласными въ порядкѣ изложенія, редакціи эти въ

¹⁾ О немъ говоритъ вскользь Heud, который впрочемъ и не задается цѣлью дать полную картину осады и взятія Византіи турками. Цитуетъ его и Вастъ, не извлекая однако ничего существеннаго для пополненія своего разказа.

нѣкоторыхъ случаяхъ расходятся не до такой однако же степени, чтобы возникающія разнорѣчія не могли быть примирены безъ вреда для предположенія объ ихъ единствѣ. Таковъ именно вопросъ объ авторѣ. Лицо, писавшее *tractatus de expugnatione urbis Constantinopolitanae* говоритъ про себя въ послѣсловіи: *Ego igitur Simon de Ympregem hanc certificationem scedulam domino cardinali Avinionensi transmissam per Franconem de Twayr ad finem usque produxi in civitate Pistensi in monasterio beati Ioannis Lateranensis anno domini 1453 in solemnitate Purificationis Mariae Virginis*. Кто же былъ авторъ? Импегемъ ли, подписавшійся подъ этимъ донесеніемъ, или другое лицо? Но Импегемъ монахъ, по видимому, не былъ въ стѣнахъ Византии во время разоренія ея турками, иначе это обнаружилось бы въ разказѣ. Между тѣмъ повѣствованіе носитъ несомнѣнный характеръ личнаго свидѣтельства, и его авторъ не принадлежитъ къ духовному званію, потому что разказываетъ о грекахъ, не раздражаясь по ихъ направленію упреками, подобно папистамъ Ленарду и Пускулу. Если усумниться разъ въ авторствѣ Импегема, то всего естественнѣе приписать разбираемыя сочиненія флорентійцу Тедалди, какъ потому что онъ является въ разказѣ дважды дѣйствующимъ лицомъ и притомъ сразу съ эпитетомъ *graeopominatus*, хотя раньше о немъ не было никакой рѣчи, такъ и потому, главнымъ образомъ, что сходныя по содержанию французскія редакціи его именно называютъ своимъ авторомъ. Что касается до Импегема, то ему могла принадлежать литературная обработка и переводъ сказанія на латинскій языкъ, послѣ чего уже оно и было отправлено къ кардиналу Авиньонскому для пропаганды крестоваго похода противъ турокъ, какъ это можно заключить изъ 24 и 25 главы, гдѣ говорится о необходимости всеобщаго европейскаго союза противъ непомерно возросшаго могущества Мехмета II.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что изъ трехъ существующихъ редакцій оригинальнымъ нужно признавать только латинскій *tractatus de expugnatione urbis Constantinopolitanae*, то съ другой стороны, возможны значительныя разногласія относительно тѣхъ способовъ, какими на его почвѣ возникли французскія *Relation* (въ хр. Шартъэ) и *Recit des deux marchands* (*Revue d. Soc. Sav.*). Казалось бы самымъ естественнымъ предположить, что *tractatus*, введенный сначала въ хронику Шартъэ, появился потомъ отдѣльно; но, такимъ образомъ, останется не объясненною значительная разница въ языкѣ обѣихъ французскихъ редакцій, изъ которыхъ *Recit* сохранился въ очень

испорченномъ видѣ, что особенно замѣтно въ искаженіи собственныхъ именъ, при чемъ вмѣсто Тедалди стоитъ Deceldy ¹⁾. Допустить ли самостоятельное параллельное возникновеніе на почвѣ tractatus и Rescit, и Relation? Тогда какое объясненіе дать тому обстоятельству, что то и другое помѣщаютъ одинаково письмо Мехмета II? Сказать ли, что Rescit предшествовалъ Relation по времени, но этому противорѣчитъ сжатость изложенія и испорченность языка, мѣшавшія видѣть въ немъ источникъ для Шартье. Остается, на мой взглядъ, одно: вывести обѣ французскія редакціи изъ третьей, утраченной, въ основу которой легъ не только текстъ tractatus съ припиской имени автора, но также и письмо Мехмета къ верховному первосвященнику.

Хотя Лефевръ, издатель Rescit, упомянувъ вскользь о существованіи въ камбрѣйской рукописи посланія завоевателя Византіи къ папѣ, не счелъ даже нужнымъ помѣщать его, считая завѣдомо апокрифическимъ, тѣмъ не менѣе отъ одного голословнаго утвержденія вопросъ еще далеко не представляется разрѣшеннымъ. Конечно, съ формальной стороны можетъ быть выставлено противъ подлинности памятника то искаженіе, какому въ немъ подверглись не только собственные имена, но даже самая дата (840 гиджра), по которой, письмо должно относиться къ 1441 г. послѣ Р. X., когда Мехметъ не вступилъ еще на престолъ. Но если, съ другой стороны, обратиться къ внутреннему содержанію письма, то оно даетъ несомнительныя свидѣтельства подлинности, конечно, не французскаго испорченнаго пе-

¹⁾ Tractatus.

Quadam vero pars (erat munita) ad modum Hungorum seu quorundam aliorum bellatorum pileis ferreis, quos galeas vocamus, sese tuebantur et ballistis arcibus, gladiis et diversi generis instrumentis defendere se videbantur. Residua vero pars ejusdem diabolici exercitus erat fere inermis hoc excepto quod quidam scuta ferebant aut peltas aut umbones, quorum multi erant mercatores...

Relation.

Et aucuns (avoient armes) à la guise de Bulgaries autres en autres façons et aucuns avoient chapeaux de fer et aucuns avoient arcs et crenequins. Les autres gens de fait étoient pour la plupart sans armes excepté qu'il avoient targes et targettes ou cimenterres, qui sont manière d'espés à la Turque...

Rescit.

Les autres (étoient armés) à guise de Hongrie de coppiaux de fer et de crenequins et s'en y avoit sans armes, qui n'avoient fors targes et épés et tout le remenant qui suivoient pour gagner...

ревода, а оригинала, не дошедшаго до нашихъ дней. Вопервыхъ, тонъ изложенія, переполненнаго реминисценціями изъ классическихъ авторовъ, вполне соотвѣтствуетъ тому представленію о побѣдителяхъ Византіи, какъ о поклонникѣхъ древности, какое сложилось на основаніи согласныхъ показаній современниковъ. Въ вторыхъ, заключающіяся въ письмѣ историческія черты вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и въ третьихъ, попытка Пія II обратить Мехмета въ христіанство, въ письмѣ открывавшаго ему заманчивыя картины безспорнаго и освященнаго церковью владычества надъ всѣмъ Востокомъ, могла имѣть своимъ основаніемъ не только слухъ объ уваженіи, съ какимъ относился побѣдитель Цареграда къ вѣроисповѣданію своихъ новыхъ подданныхъ, но также слова Мехмета о Христѣ, *le quel réputé d'avoir été un tres grand prophète* (Hist. de Charl. par. Chartier, 280). Что касается до времени, къ которому должно приурочить это посланіе, то опредѣлить его возможно только на основаніи данныхъ, содержащихся въ немъ самомъ. Цѣль письма устранить христіанъ отъ участія въ начинавшейся венеціанско-турецкой войнѣ, показавъ, что вмѣшательство это не только неосновательно, такъ какъ, по мнѣнію Мехмета, у той и другой стороны не было причинъ къ взаимной ненависти, но вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено съ гибельными послѣдствіями для христіанъ, которые испытуютъ всю силу турецкой мести на поляхъ Италіи, подъ стѣнами самого Рима. Такимъ образомъ, время письма должно совпадать, во первыхъ, съ венеціанскою войной, а во вторыхъ, съ усиленными проповѣдями крестоваго похода противъ турокъ, какимъ годомъ всего удобнѣе счесть 1463, когда началась Венеціанская война (1463—1479), когда послѣ Мантуанскаго конгресса вслѣдствіе энергической дѣятельности Пія II христіанскіе государи, казалось, были готовы соединить свои силы для крестоваго похода, составлявшаго вѣчный страхъ турокъ и надежду поработенныхъ ими народовъ. Къ тому же времени относится письмо Пія II къ Мехмету, которое нельзя не поставить въ связь съ разбираемымъ памятникомъ.

Вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ редакцій, о подлинности или подложности письма Мехмета, конечно, очень любопытны, но въ какую бы сторону они ни были разрѣшены, отъ этого не умалится значеніе сказанія Тедалди, какъ историческаго источника. Помимо своей полноты и точности, его свидѣтельства пріобрѣтаютъ особую цѣну еще потому, что записаны въ то время, когда всѣ обстоятельства были свѣжи въ памяти автора-очевидца. Во всѣхъ почти слу-

чаяхъ сходствуя съ самыми надежными повѣствователями о разореніи Цареграда турками, источникъ этотъ не только подтверждаетъ, но и нерѣдко пополняетъ ихъ существеннымъ образомъ. Уступая Барбаро въ точности хронологическихъ показаній, сочиненіе Тедалди должно занять мѣсто рядомъ съ лѣтописью Франдзи.

Въ ряду сочиненій, описывающихъ паденіе Византіи занимаетъ важное мѣсто Constantinopolis, поэма въ четырехъ пѣсняхъ, принадлежащая Убертину Пускулу изъ Врешіи. Издана она впервые въ 1856 году въ III томѣ *Analekten der mittel und neugriechischen Literatur* Еллисеномъ, которому и послужило однимъ изъ источниковъ при изслѣдованіи вопроса о разореніи Цареграда турками въ его предисловіи къ этому тому. Но ни Краузе, ни Вастъ, занимавшійся впоследствии этимъ вопросомъ, не обратили вниманія на поэму Пускула, хотя она помѣщена въ одномъ томѣ съ *Ἐρῆνος*, упоминаемомъ ими не разъ. Впервые послѣ Еллисена воспользовался этимъ источникомъ Миллеръ и то лишь по столбу, по скольку Пускулъ служить поясненіемъ Кривовулу.

О жизни Пускула мы знаемъ очень мало. Родился онъ въ Италіи, въ Врешіи занимался науками, для усовершенствованія въ которыхъ, подобно многимъ гуманистамъ, отправился въ Византію, гдѣ хранились сокровища древняго знанія, и попался въ плѣнъ туркамъ при взятіи ея. Онъ самъ говорить:

(IV пѣснь конецъ) *Brixia me genuit civem: Ubertinum Puscula honesta
Gens tulit; haec ausus talia, quae cecini
Me Constantini studiis urbs dulcis habebat
Cum cecidit bello; barbaro praeda fui.*

Освободившись изъ плѣна, Пускулъ вернулся въ свой родной городъ, гдѣ сдѣлался преподавателемъ греческаго языка. Современники удивлялись его дарованіямъ, утверждая, что „небо надѣлило его многими рѣдкими талантами, которыми онъ увѣковѣчить свое имя“.

У себя на родинѣ Пускулъ рѣшилъ воспѣть претерпѣнные имъ несчастья въ полной увѣренности, что событія, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть, нимало не уступаютъ въ величій сюжетамъ Вергилія и другихъ древнихъ поэтовъ ¹⁾). Пускулъ не рѣшается од-

¹⁾ Pusc., I, 11: *Non antiqua canas jubeo, nam vidimus ipsi
Exciudi magnum imperio belloque potentem
Sublatamque urbem insignem, manibusque cadentem
Teucrorum, quos ipsa prius subjecerat armis.*

нако идти самостоятельнымъ путемъ, избирая предметомъ подражанія того же Вергилія и отчасти Гомера; напримѣръ, въ перечисленіи войскъ судтана ¹⁾ замѣтно сильное вліяніе Гомеровскаго каталога кораблей; еще дальше заходитъ нашъ поэтъ въ подражаніи Вергилію, изъ котораго онъ заимствуетъ не только отдѣльные вараженія и образы, но прямо цѣлыя стихи. Самостоятельно же Пускулъ не создалъ ни одной художественной картины, не далъ ни разу удачнаго выраженія тому чувству горечи, какое неволью должно было возникать въ душѣ его при воспоминаніи о пережитыхъ страданіяхъ. Стихотворная форма, избранная авторомъ изъ подражанія древнимъ, не только не помогла ему стать поэтомъ, но даже способствовала затемненію многихъ историческихъ чертъ, какія мы нашли бы иначе въ его сочиненіи. Ради желанія, напримѣръ, вставить поэтическое мѣсто, заимствованное у другихъ, Пускулъ разказываетъ въ десятка въ стиховъ о ничтожномъ происшествіи, тогда какъ по неволѣ умалчиваетъ и упоминаетъ кратко о важныхъ происшествіяхъ, если они трудно укладываются въ стихъ. Замѣна новыхъ названій мѣстностей и народностей тѣми, какія посели онѣ въ древности, затрудняетъ пользованіе его богатыми географическими и этнографическими указаніями. Тѣмъ не менѣе, поэма Пускула какъ историческій источникъ имѣетъ важное значеніе, принадлежа перу человѣка, который принималъ непосредственное участіе въ описанныхъ имъ происшествіяхъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ.

Haec ego dira сапат, nam pars ego parvula quamvis
Exitii, raptusque locos invito ad omnes
Praeda fui. Pusc., I, 37.

У Пускула мы находимъ много такихъ историческихъ указаній, какихъ нѣтъ въ другихъ источникахъ, въ особенности это можно сказать относительно вопроса объ униіи. Много разъ поэма Constantiopolis подтверждаетъ свидѣтельства другихъ источниковъ, стоявшихъ доселѣ одиноко. Все повѣствованіе вообще представляетъ полную и широко очерченную картину наденія Византіи и его причинъ. Авторъ однако не отличался безпристрастіемъ при составленіи этой поэмы, которую онъ, какъ ревностный католикъ, посвятилъ папѣ ²⁾.

¹⁾ Pusc. IV, 9.

Die mihi, Musa, quibus terris coire tot armis
Instructi varii populi tot dissona voce
Agmina in exodium Grajorum nominis unum.

²⁾ Pusc. I, 33—36.

Выставляя унію, какъ событіе неразрывно связанное съ разрушеніемъ Цареграда турками, Пускуль смотритъ на все съ точки зрѣнія въ высшей степени враждебной грекамъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ страстныхъ выраженіяхъ за ихъ лицемѣрное, недовѣрчивое отношеніе къ папѣ, вызвавшее неискренность и неохоту, съ какою Западъ въ свою очередь помогаль Византію. Ни одинъ изъ источниковъ не запечатлѣнъ въ такой мѣрѣ приторнымъ раболѣпствомъ передъ папою и нелюбовью къ византійцамъ. Теряя въ исторической правдѣ, поэма Пускула пріобрѣтала такимъ образомъ единство содержанія. Мысль, что Богъ покараетъ Византію за ея прегрѣшенія, а главное за схизму, развиваемая послѣдовательно во всемъ сочиненіи, придаетъ ему стройность и внутреннюю связь. Одно только заключеніе ни по своему содержанію, ни по объему не соотвѣтствуетъ ходу всего разказа, вслѣдствіе чего сочиненіе имѣетъ видъ какъ бы прерваннаго и не доведеннаго до своего настоящаго конца. Впрочемъ это можно объяснить и тѣмъ, что авторъ, по видимому, не успѣлъ придать окончательной отдѣлки своимъ стихамъ.

Изъ другихъ сочиненій Пускула извѣсны: „Видѣніе пророка Давида“ и „Profetio praedicta de libello graeco vetustissimo“.

Въ числѣ источниковъ для описанія взятія Византіи турками можетъ служить также воззваніе *Universi Christi fidelibus* знаменитаго Исидора ех-митрополита Русскаго, кардинала Сабинскаго, а впоследствии Греческаго вселенскаго патріарха, ставленника папы. Воззваніе это, умоляющее всѣхъ христіанъ опоясаться мечомъ въ защиту погибающей христіанской вѣры, подобно многимъ другимъ воззваніямъ, которыя дѣлались во время Николая V, Калиста III и Піа II съ ихъ преемниками, когда проповѣдывался крестовый походъ противъ мусульманъ. Но каждая историческая черта, сообщаемая намъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей совершившихся событій, пріобрѣтаетъ для насъ особую цѣну, не только сама по себѣ, но также какъ способъ провѣрить слова другихъ историковъ паденія Византіи. Воззваніе это издано у Migne, *Patrologia Graeca*, 159, 953 (подъ заглавіемъ: *Isidorus cardinalis Ruthenus, episcopus Sabinensis Legatus pontificis universi Christi fidelibus*) и, какъ замѣчаетъ Вастъ, видѣвшій рукопись, довольно небрежно; издателемъ вставлены цѣлыя слова, сама помытка о времени написанія болѣе чѣмъ страшна: 1452 г.

Къ числу такихъ же источниковъ, какъ воззваніе Исидора, но меньшей, однако, цѣны, какъ не принадлежація перу очевидцевъ, относятся переписка и рѣчи кардинала Энея Сильвія Пикколомини,

впослѣдствіи папы Пія II, в Виссаріона, знаменитаго архіепископа Никейскаго, кардинала Римской куріи и преемника Исидора на тронѣ Константинопольскаго патріарха, поставленіемъ папы (см. о немъ соч. Садова и Васта). *Graecorum latinissimus et Latinorum graecissimus*, Виссаріонъ, живя въ Римѣ, никогда не прерывалъ сношеній со своею родиною, за судьбой которой онъ слѣдилъ всегда неослабно и, конечно, въ совершенствѣ зналъ ея послѣдніе горестные дни. Эней Сильвій Пикколомини находился во время паденія Цареграда въ Венгріи (письмо 169), когда достигла до него страшная вѣсть о разореніи Цареграда турками, и потому могъ знать его подробности не изъ однихъ только италіанскихъ, но также изъ венгерскихъ источниковъ, ибо связи Венгріи съ Византіей были очень живы и крѣпки вслѣдствіе борьбы противъ одного общаго врага, турокъ ¹⁾.

Виссаріонъ и Пія II принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ поборниковъ крестоваго похода противъ турокъ. Они стремились къ этой цѣли всѣми средствами, влияніемъ, связями, деньгами, дипломатическимъ искусствомъ и словомъ, письменнымъ и устнымъ. Въ рѣчахъ, которыми старались они воспламенить души христіанскихъ государей, равнодушно смотрѣвшихъ на ростъ мусульманскаго и умаленіе христіанскаго могущества, тамъ и сямъ разсыпаны драгоценныя свѣдѣнія о силѣ и устройствѣ турецкаго войска, о разореніи Византии, о разграбленіи ея и о похищенныхъ святыхъ, о поведеніи ея жителей, объ отношеніи Европы къ совершившимся событіямъ.

Собраніе сочиненій Виссаріона находится въ 161 томѣ Патрологіи Миня, гдѣ впрочемъ не помѣщено письмо того же Виссаріона къ Венеціанскому дожу съ извѣстіемъ о разореніи Цареграда турками. Вслѣдствіе чего Vast, считая этотъ памятникъ не изданнымъ, напечаталъ его въ своихъ приложеніяхъ, 454—456; но онъ ошибся, потому что письмо это обнародовано еще Muratori въ 25 томѣ *Regum Italicarum Scriptorum*, какъ часть сочиненія неаполитанца Порчеллари о Сципіонѣ Пичинини (35—38).

Письма Энея Сильвія Пикколомини изданы въ 1496 г. у Амбросія

¹⁾ Суда по смыслу, какую дѣлаетъ Peter di Reva въ своихъ центуріяхъ de Monarchia et S. Corona Regum Hungaricarum (*Rev. Hung. Script. Schwandtner*, II, ст. 668) можно думать, что перу Энея Сильвія принадлежало болѣе цѣльное описаніе разоренія Цареграда турками. Было ли это отдѣльнымъ трудомъ или входило какъ составная часть въ другое сочиненіе—миа не извѣстно. У Voigt'a въ его жизнеописаніи Пикколомини по этому предмету свѣдѣній нѣтъ.

Архонта въ Миланѣ; другія сочиненія въ „*Præ Secundi Pontificis Magni commentarii regum memorabilium, quae temporibus suis contigerunt.* Франкфуртъ. 1614.

Изъ числа италіанскихъ источниковъ первое мѣсто принадлежитъ безспорно *Giornale dell' Assediodi Constantinopoli*, веденному во время самыхъ событій знатнымъ венеціанцемъ Николаемъ Барбаро, какъ о томъ свидѣтельствуесть начало и заключеніе его дневника, гласящее: „Находясь лично въ несчастномъ Константинополѣ, авторъ рѣшился записать все случившееся при нападеніи Мехмета бей, сына Мурата, нападенія, послѣ котораго онъ овладѣлъ названнымъ городомъ; а чтобы можно было понять, какимъ образомъ онъ былъ взятъ, будетъ сказано сначала, откуда возникла война турокъ и грековъ, а потомъ по порядку пойдетъ повѣствованіе о битвахъ, бывшихъ изо дня въ день отъ начала (осады) до самаго печальнаго и горестнаго его взятія“. Замѣчательная точность, съ которою Барбаро отжѣвываетъ по днямъ всѣ происшествія борьбы турокъ съ греками, составляетъ самую сильную сторону его сочиненія, какъ историческаго источника, послужившаго краеугольнымъ камнемъ при восстановленіи хронологіи обороны Византіи. Каждое показаніе *Giornale* заслуживаетъ почти безусловнаго довѣрія, потому что его авторъ держится права говорить только о близко извѣстныхъ ему предметахъ, лицахъ и событіяхъ, отчего, съ другой стороны, онъ по неволѣ грѣшитъ нѣкоторою односторонностію. Находясь на венеціанскихъ корабляхъ, Барбаро всего ближе могъ знать ту роль, какую играли въ паденіи Византіи италіанскіе пароды, и, дѣйствительно, этому предмету въ сочиненіи отводится главное мѣсто: дается списокъ именъ всѣхъ венеціанцевъ, припимавшихъ участіе въ оборонѣ города, говорится о числѣ ихъ кораблей, точно воспроизводятся всѣ условія и переговоры, въ силу которыхъ они остались на службѣ императора Константина; за то, на примѣръ, объ уніи, стѣнахъ Цареграда, диспозиціи греческихъ и турецкихъ войскъ сообщаются только самыя общія свѣдѣнія, неполнота которыхъ именно и простирается изъ того обстоятельства, что они наименѣе могли быть извѣстны автору, находившемуся во время осады на морѣ, а не на сушѣ.

Настроенъ Барбаро въ высшей степени враждебно мусульманамъ и сочувственно грекамъ, къ которымъ онъ отнюдь не чинитъ ненависти, дышащей на каждой строкѣ сочиненія сторонниковъ уніи.

Единственный предметъ, о которомъ Барбаро не можетъ говорить равнодушно, это—*capituli traditori de Zenovezi*; къ нимъ онъ проник-

нуть глубокою ненавистью, какъ подобаетъ истому венеціянцу; на нихъ онъ готовъ клеветать, лишь бы только очернить ихъ въ глазахъ читателей.

Сказаннымъ опредѣляется первостепенное значеніе дневника Барбаро, какъ историческаго источника, незамѣнимаго руководства для восстановленія послѣдовательности событій.

Сочиненіе Барбаро написано древневенеціанскимъ нарѣчіемъ, значительно разнѣющимся отъ тосканскаго, что затрудняетъ его пониманіе. Слогъ сухой и простой, вполне соответствующій дѣловому характеру изложенія, представляющаго изъ себя скорѣе родъ донесенія, нежели исторію.

Дневникъ Барбаро изданъ впервые Генрихомъ Корнетомъ подъ заглавіемъ: *Giornale dell'assedio di Constantinopoli*. Vienna. 1856. Изданіе, сдѣланное по рукописи библіотеки св. Марка, снабжено примѣчаніями не особенно впрочемъ полными и точными; важнѣе ихъ приложение, содержащее въ себѣ выписки изъ *Libri Secretorum* въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія даютъ свѣдѣнія относительно осады Византіи турками и событій, ей предшествовавшихъ.

Письмо Лавро Квирини къ папѣ Николаю V о паденіи Византіи, изданное въ Венеціи 1752 Agostini, по свидѣтельству Васта, есть важный источникъ по исторіи этой эпохи, хотя и не принадлежитъ перу очевидца. Къ сожалѣнію, изданіе это составляетъ библиографическую рѣдкость, такъ какъ Васту, занимавшемуся во многихъ библіотекахъ Франціи и Италіи, удалось найти его только въ книгохранилищѣ св. Марка, почему и я могу указать на него лишь для полноты обзора.

Отрывокъ изъ венеціанской хроники Долфина (*Z. Dolfin*)¹⁾, касающейся разоренія Цареграда турками, имѣетъ важное значеніе для изученія этого вопроса, заключая въ себѣ много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не находимъ въ другихъ источникахъ. Главною основой для разказа Долфину послужило письмо Леонарда Хюсскаго, значительно, однако, передѣланное и дополненное. Долфинъ выпускаетъ всѣ богословскія разсужденія Леонарда, устраняетъ все то, что запечатлѣно если не ненавистью, то во всякомъ случаѣ враждебностью къ вивантіяцамъ, ибо подобныя нападки, объяснимыя въ

¹⁾ Cronaco di Venezia autore Zorzi Dolfin находится въ библіотекѣ святаго Марка; выписки сдѣланы мѣстнымъ Thomas'омъ въ *Sitzungsberichte der Königlichen Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München*. 1868. Band II.

устахъ Леонарда, яраго паписта, звучали бы странно, исходя отъ одного изъ венеціанцевъ; не смотря на столкновенія, неизбежныя при частыхъ сношеніяхъ, Венеція относилась въ общемъ очень дружелюбно къ Византіи, питая къ ней „дочернее“ чувство. Въ передачѣ Долфина изъ письма Леонарда остается лишь одно существенное, благодаря чему повѣствованіе выигрываетъ въ занимательности. Недовольствуясь тою канвой, которую составляли для него свѣдѣнія, даваемыя Леонардомъ, Долфинъ старается дополнить и развить отдѣльныя части своего изложенія, какъ на основаніи другихъ источниковъ (Филиппъ да Римаго, Лангусто), такъ и собственнаго знакомства съ исторіей Венеціи. Заботясь объ интересѣ своего разказа для читателей, Долфинъ приводитъ текстъ договора, заключеннаго Мехметомъ съ Перой, потому что всякій вопросъ, касающійся соперниковъ генуезцевъ, былъ близокъ сердцу венеціанцевъ.

Вотъ въ этихъ-то дополненіяхъ и заключается главная цѣна хроники Долфина, какъ источника для изученія ваятія Византіи турками. Благодаря имъ, мы имѣемъ, на примѣръ, удачную и въ высшей степени любопытную характеристику Мехмета II, заимствованную изъ не дошедшаго до насъ сочиненія Лангусто. Изъ нихъ мы черпаемъ свѣдѣнія о томъ, какъ рѣшили венеціанцы послать Византіи вспомогательную эскадру, какъ снаряжали ее и кого поставили во главѣ; что восполняетъ и оживляетъ сухія данныя дипломатической переписки и актовъ венеціанскаго сената (*Libri Secretorum*). Въ яркихъ краскахъ описываетъ намъ эта хроника, съ какимъ трепетомъ ожидали въ Венеціи вѣстей изъ Византіи, каковъ былъ взрывъ всеобщаго негодованія противъ сената, своимъ недоумѣіемъ доведшаго до гибели Цариграда.

Долфинъ не обладалъ, однако, талантомъ на столько, чтобы составить изъ собранныхъ свѣдѣній вѣчто цѣлое, единое; въ его передачѣ каждое извѣстіе не теряетъ того облика, какой данъ былъ ему авторомъ; швы между различными выписями видны ясно. Долфинъ доводитъ свою небрежность до такой степени, что не затрудняется приводить два противорѣчащихъ показанія объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ то время, когда Томасъ издавалъ свои извлечения изъ хроники Долфина, текстъ Леонарда Хиосскаго находился въ плачевномъ положеніи ¹⁾. Обстоятельство это помѣшало Томасу

¹⁾ Въ то время существовали лишь изданія XVI столѣтія: Вазельское и Франкфуртское.

опредѣляетъ степень зависимости, въ какой Долфинъ находится по отношенію къ Леонарду ¹⁾, и заставило придавать этой хроникѣ значеніе равное дневнику Барбаро. Преувеличенность такого мнѣнія объясняется вообще пристрастіемъ ученыхъ къ источникамъ, ими впервые открытымъ. Извѣстія Леонарда Хиосскаго въ италіан-

¹⁾ Для того, чтобы доказать справедливость своего мнѣнія о зависимости Долфина отъ Леонарда, я попытаюсь разобрать по главамъ, откуда Долфинъ черпалъ свои свѣдѣнія:

I. Come venne nova chel Turco se preparava alla expugnacion de Constantinopoli, стр. 1 (*Munch. Sitzung ber.* 1868, В. II). Свѣдѣніе самостоятельное, потому что Долфинъ пишетъ о всемъ, происходившемъ въ Венеціи, не нуждаясь въ заимствованіи изъ другихъ источниковъ.

II. Come Stephano Porcario fece novita in Roma contra il papa (2), равно какъ и III Come fu decreto armar gallie 15 et de navi de mandar in auxilio a Constantinopoli (3,4) извѣстіе очень любопытное и самостоятельное.

IV. Come el Turco havea edifica un castello in bocca del Bosphoro e la nave che pericolo (4,5) заимствовано, вѣроятно, изъ Филиппа да Ринано, какъ онъ самъ даетъ понять ниже, V.

V. Come fu lo excidio di Constantinopoli et a che modo (6,7). Характеристика Мехмета, заимствованная изъ Жаколіо Лаугусто Венеціанца, и указаніе авторовъ, описавшихъ паденіе Византіи (Леонардъ, епископъ Митиленскій, и Филиппъ да Ринано, съ острова Корфу).

VI. Come el Turco venne a Campo a Constantinopoli cum trescenta milla combattenti (8,9) переведено изъ Леонарда Хиосскаго съ тою только разницею, что Апрельскіе Ноны замѣнены 5-мъ апрѣлемъ, кромѣ того, сдѣлано нѣсколько сокращеній.

VII. Come fu data la bataglia a Constantinopoli, 9, 10, 11 страницы есть переводъ съ 237, 238, 239 стр. Леон. Хиосск. 12-я переведена съ 240-й, при чемъ выпущена большая часть того, что Леонардъ говоритъ объ унѣ; въ заглавіи того, подробнѣе развита мысль Леонарда о томъ, что, переправляя корабли по суку, Мехметъ похрамалъ венеціанцамъ. Долфинъ приводитъ даже имена совершившихъ его венеціанцевъ, чего нѣтъ у Леонарда.

VIII. Come el Turco fece expugnar che socorevano Constantinopoli de formento (13 и 14), стр. 241 и 242 Леонарда.

IX. Come venne discesaion tra Veneti et Genovesi (15). Разказъ о столкновеніи венеціанцевъ съ генуезцами излагается болѣе подробно нежели Леонардомъ, 242—243 стр. Долфинъ приводитъ имена капитановъ кораблей. Экспедиція же съ цѣлью поджечь турецкіе корабли и мирныя предложенія турокъ описаны по Леонарду.

X. Come quelli di Constantinopoli preparavano la statione per la battaglia general voleva et Turco (16, 17) и

XI. Come furono molti prodigii avanti el perder de Constantinopoli. Эти двѣ главы съ особенною яркостью обличаютъ независимость автора, приходящаго свои извѣстія безъ всякой критики. На стр. 17 Долфинъ излагаетъ

своей обработкѣ Долфина могутъ играть относительно латинскаго текста ту же роль, какую играетъ итальянскій переводъ Дукя относительно греческаго подлинника, давая возможность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлять его, въ особенности въ собственныхъ именахъ, сохранившихся лучше въ итальянизированной формѣ.

диспозицію греческихъ войскъ, вѣроятно, по Филиппу да Ринано (свѣдѣнія, которыя въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ показаніями Пускула). На страницѣ 19 Долеция опять обращается къ Леонарду и выписываетъ отъ него также диспозицію, не замѣчая, что она противорѣчитъ приведенной раньше. Въ остальныхъ содержаніи этихъ главъ онъ опять слѣдуетъ Леонарду.

XII. Come el Turco fece consejo cum li sui avanti desse la battaglia a Constantin—li, 23, см. Lion. Q., 249.

XIII. Come il Imperador fu avisato del dar de la battaglia et come il Turco proclamo Cons—li a sacho, 24. Въ виду того, что этотъ небольшой отрывокъ можетъ служить нѣрнымъ отношеніемъ Долеция къ Леонарду, я приведу латинскій подлинникъ и его итальянскую передачу.

Leon. 250.

Itaque ut Collibascia, senior consularis complacuisse regi Zagani aemulatoris sui consilium intellexit, definitumque esse certamen, internunciis admodum fideissimis, ut amicus Imperatori cuncta, denuntiat. Hortatur, ut non expavescat tumultentissimi adolescentis insaniam, nec terrere nimis eorum, qui magis timuissent nec indoctiore multitudine commoveri. Custodes sint vigiles et pugnam perseverantes expectent. Frequentes enim epistolae ad Imperatorem ex Collibascio portabantur.

Z. Dol. 24.

Come Collibascia, vecchio consejo intese che consejo de Xagano bassa suo emulador havea inclinato el animo del signor a definir a zorno, che se doveva dar la battaglia, allhora per fidati nuncio, come amico de christiani, tutto la deliberation, tutto fa note al imperador, confortando quello non se impaurisca de tal Emulentissimo signor, ne per tal minaze impaurisse contra multitudine inexperta et facia far boni guardie per tute le station, expectando el di de battaglia. De qual bassa spesse lettere al imperador vegniavano porte.

XIV. Come fu data la battaglia general a Constantinopoli, 24, 25, переведено съ 250 стр. Леонарда.

XV. Come lo imperador exhorto tutti le christiani esser de bono animo, 27 и 29.

XVI. Come se persa la citta Constantinopoli et mori lo imperador. Какъ и предшествовавшій отрывокъ переведенъ изъ Леонарда 250—254 стр.

XVII. Come fu saeomonata la citta, 30. Составлено по Леонарду, хотя есть и дополненія, напримѣръ, розыскъ трупъ императора.

XVIII. Come el Turco celebra sue festi in Cons—li et fu accusato Callibassa esser amico de Greci et quello successe (32). О судьбѣ Нотаря прямо переведено изъ Леонарда, о смерти Минотто, венеціанскаго консула, сказано подробнѣе.

XIX. Come el grand Turco fece uno privilegio a Genovesi per haverli date Pera, 35. Свѣдѣніе или самостоятельное, или заимствованное отъ Филиппа да

Кромѣ названныхъ сочиненій, имѣющихъ первостепенную важность для изученія послѣднихъ дней Византии, въ современной, а отчасти и въ послѣдующей италіанской литературѣ сохранился цѣлый рядъ, какъ полныхъ повѣствованій о разореніи Цареграда, такъ и отдѣльныхъ замѣтокъ, любопытныхъ конечно для изслѣдователя, но далеко не имѣющихъ равной цѣны съ главными источниками, такъ какъ обыкновенно основаніемъ имъ служитъ не личное свидѣтельство, а устное или письменное преданіе въ вторыхъ и третьихъ рукъ. Въ этомъ разрядѣ источниковъ выдѣляется отрывокъ *Vitae ducum venetorum* въ *Regum italicarum scriptores*, гдѣ авторъ ихъ Марино Сануто описываетъ гибель Константинополя не только по Долфину, на котораго ссылается мелькомъ: *Io vedi in cronica Dolfina*, но также на основаніи другихъ источниковъ, напримѣръ, въ перечисленіи венеціанцевъ, убитыхъ турками, въ чемъ онъ сходствуетъ съ Барбаро.

Въ сборникѣ Сансовино *Dell' historia universale dell' origine et imperio de Turchi nella quale si contengono tutte le guerre fatte da quella natione con la vete particolari del principi ottomani. Venezia. 1660*, важнѣе другихъ та часть сочиненія Камбини, которая посвящена взятію Византии турками, тѣмъ болѣе, что авторъ, по замѣчанію составителя, въ особенности былъ свѣдующъ въ вопросахъ, касающихся судьбы Цареграда. Хотя разсказъ отъ описываемыхъ имъ событій отдѣляется не менѣе 68 лѣтъ, хотя занимающему насъ вопросу тамъ удѣлено только 6 страницъ довольно впрочемъ убористой печати, оно не вполне недостойно вниманія изслѣдователя, прибавляя нѣсколько чертъ къ общей картинѣ борьбы грековъ съ турками, чертъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что справедливость ихъ подтверждается какъ показаніями другихъ источниковъ, такъ и археологическими изслѣдованіями стѣнъ Византии. Разказъ, не смотря на свой общій характеръ, носить слѣды несомнѣнной оригинальности, отнюдь однако не выражающейся отступленіями отъ истины и вымысломъ автора. Только въ одномъ вопросѣ Камбини грѣшитъ противъ истины, бросая неблагоприятную тѣнь на послѣдніе дни импе-

Римано. Содержаніе договора приведено точно, не вѣрна лишь дата по замѣчанію Гейда.

XX. Come venne la nove a Venezia, come era perso C—li.

XXI. Come fu fatto legato al Turco per veder de far la pace (38).

XXII. Come papa Nicolo manda ad armar 5 gallie a Venezia per mandar contra Turchi (38). Свѣдѣнія самостоятельныя и очень любопытныя, въ особенности XX.

ратора Константина. Подобное отступление не лишено впрочемъ своей доли важности, потому что имъ измѣряется степень распространенности подобнаго же показанія Дуки. Впрочемъ въ той же Флоренціи, гдѣ жилъ Камбини, существовали и другія болѣе благоприятныя извѣстія для памяти послѣдняго Византійскаго императора. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть того же Сансовина, помѣтившаго *Discorso di Theodoro Spandugino Cantacuzino dell origine de principj Turchi*, гдѣ мученическая кончина императора изображается очень подробно и сочувственно. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ Кантакузинъ, писавшій въ понтификатъ Климента VII, по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній и по отдаленности своей отъ описываемыхъ происшествій, стоитъ еще ниже Камбини.

Относительно внутренняго состоянія Византіи на канунѣ ея гибели и мѣръ, принятыхъ для предотвращения грозившей ей опасности, сохранилось очень немного данныхъ, почему для восстановленія полноты картины изслѣдователь необходимо долженъ пользоваться всѣми указаніями, находящимися въ тогдашней литературѣ, независимо отъ ихъ размѣровъ. Къ числу такихъ указаній относятся и слова знаменитаго Макиавели (*Parole da dirle sopra la provisione del danajo. Antologia di Firenze, 1822, tomo VII, pag. 3—10*), увѣщавшаго флорентійцевъ согласиться лучше на всяческія жертвы для спасенія отечества, пока еще есть время, и не слѣдовать примѣру византійцевъ, не захотѣвшихъ по приглашенію императора разстаться съ деньгами для обороны роднаго города. Такой же примѣръ выставляетъ и *Vespasiano di Filippi* въ *Lamento d'Ofranto* (*Archivio Storico Italiano, IV т., 1848*), желая заставить опомниться италіянцевъ, „видя не видящихъ и слыша не слышащихъ“ той грозы, которая на нихъ надвигается со стороны турокъ. Извѣстія эти цѣнны не только сами по себѣ, но также какъ дополненіе недостаточнаго показанія Іоанна Моска въ его надгробномъ словѣ Лукъ Нотарѣ.

III.

Турецкіе источники.

Турецкое сказаніе, переведенное Мордтманномъ изъ Евлія Челеби, важно не только своею фактическою стороною, сколько тѣмъ, что въ немъ ясно и точно отразилось то впечатлѣніе, какое произвело на умы побѣдителей великое событіе, составлявшее чашіе всего мусуль-

манскаго міра. Народная фантазія, работавшая надъ разукрашеніемъ завоеванія Цареграда, немѣнною оставила только основу событія, съ остальнымъ же поступила по своему произволу. Сверхъестественный элементъ занялъ важное, чуть не первенствующее мѣсто; одни происшествія оставлены въ тѣни, тогда какъ другія, менѣе важныя, выдвинулись на первый планъ. Наконецъ, третьимъ событіямъ приданъ совсѣмъ не тотъ видъ, какой они имѣли въ дѣйствительности, а тотъ, какой должны были бы имѣть для выщаго удовлетворенія турецкаго національнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ сказаніи мы находимъ нѣсколько фактовъ, не противорѣчащихъ исторической дѣйствительности; таковы, напримѣръ: 1) построеніе крѣпости на Босфорѣ: число два не вѣрно; 2) обложеніе города турками и способъ осады; 3) полученіе турецкими войсками постоянныхъ подкрѣпленій; 4) перевозъ судовъ по сушѣ; 5) неудачный для турокъ ходъ осады; 6) появленіе галеръ на помощь городу; 7) смерть императора при взятіи Византіи турками; 8) обращеніе Агія Софія въ мечеть и пр.

Сеадъ-Эддинъ въ своей „Оттоманской исторіи“ даетъ краткое описаніе событій 1453 года, черпая свои свѣдѣнія изъ хроника Тарици-ель-и Отманъ. Первый переводъ этой хроника на французскій языкъ относится къ 1740 г. и принадлежитъ Галланду, италіанскій переводъ — Браттутти 1649—1652 гг., латинскій — Kollar Keresten 1755 г.; отдѣльный отрывокъ о паденіи Византіи переведенъ Garcin de Tassy въ 1826 г., и Краусе съ французскаго на нѣмецкій, какъ приложение къ его статьѣ о паденіи Цареграда.

IV.

Источники славянскаго происхожденія.

Въ ряду источниковъ о взятіи Цареграда, имѣющихъ славянское происхожденіе, первое мѣсто занимаетъ историческая повѣсть объ этомъ событіи, написанная Искиндѣромъ. Эта повѣсть о разореніи Цареграда турками, напечатанная много разъ, впервые помѣщена въ Царственномъ Лѣтописцѣ (1772 г., ст. 306 — 358); затѣмъ въ лѣтописи по Никоновскому списку (1789, V, 222—277) и кромѣ того, почти всю полностью вошла въ изданную Новиковымъ въ 1767 г. книгу, подъ главіемъ: „Скиѣская исторія, содержащая въ себѣ: о названіи Скиѣи и границахъ ея; о народѣхъ скиѣскихъ, о началѣ и умноженіи

Золотыя орды и царѣхъ, бывшихъ тамъ; о Казанской ордѣ и царѣхъ ихъ по взятіи города Казани; о Перекопской ордѣ или Крымской и о царѣхъ ихъ; о Мохаметѣ, прелестникѣ Агарянскомъ и о прелести, вымышленной отъ него; о началѣ Турокъ и о султанахъ ихъ съ приложеніемъ повѣсти о поведеніи и жителствѣ Турецкихъ султановъ въ Константинополѣ; изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ російскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей отъ Андрея Лызлова прилѣжными трудами сложена и написана лѣта 1692^а.

Въ предисловіи къ этому изданію Новиковъ говоритъ, что „учинено оное съ навлучими списками изъ всѣхъ тѣхъ, которые я имѣлъ и которые мнѣ видѣть случалось. Сей списокъ находится въ Москвѣ въ патріаршемъ книгохранилищѣ, написанный изряднымъ и чистымъ стариннымъ почеркомъ въ листъ. Я рѣшился предпочесть его другимъ спискамъ напаче по подписи, что оный самимъ сочинителемъ отданъ въ книгохранилище“.

Лызловъ строитъ свой разказъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ изъ русскихъ и польскихъ источниковъ, лѣтописей, Степенной Книги, Житій святыхъ, сочиненій Гвагнина, Вѣльскаго, Кромера, Стрыйковского и другихъ, пользуясь ими съ замѣчательною точностію и добросовѣстностію, никогда не выдавая чужаго за свое, всегда указывая въ примѣчаніяхъ, откуда дѣлается выписка. Такъ какъ нѣкоторые изъ его источниковъ для насъ утратились, то тѣмъ самымъ извлеченіи приобрѣтаютъ особую цѣну, сохраняя остатки не дошедшихъ до насъ сочиненій, а въ тѣхъ случаяхъ, когда сочиненія, служащія основаніемъ „Скиѣской исторіи“, извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ,—лызовскія выписки не теряютъ своего значенія, сохраняя нерѣдко довольно древнее рукописное преданіе. Слѣдуя тщательно за текстами своихъ русскихъ источниковъ, нашъ авторъ однако сумѣлъ *sibi res, non se rebus subjungere*; ему удалось составить изъ своихъ выписокъ нѣчто цѣлое, при чемъ соединяющимъ звеномъ служилъ его самостоятельный взглядъ на изображаемыя событія, который пронесенъ съ большою послѣдовательностію по всему сочиненію. Лызловъ считаетъ русскихъ „избавителями пригнетенныхъ убогихъ народовъ“ и смирителями непомерно возросшаго могущества турокъ; онъ видитъ русскихъ людей, которые, „возбуждены будучи отъ всѣсвятаго Духа, пріявъ въ руки свои непобѣдимое оружіе крестъ Господень и воздвигая свои крестоносныя хоругви“, пойдутъ „на оныхъ ненасытныхъ псовъ басурманскихъ, своимъ ихъ провѣщаніемъ осужденныхъ“ и свободятъ, по волѣ Божіей,

„христіанъ, подъ тяжелымъ ярмомъ поганскимъ вопіющихъ“ (Лызловъ, Слѣсск. исторія, книга III, ч. IV, лл. 80 и 81).

Итакъ, книга Лызлова достойна нашего вниманія въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, она представляется замѣчательнымъ по своему времени русскимъ трудомъ по исторіи турокъ (что вообще относится къ изучаемому нами вопросу); во вторыхъ, въ части сочиненія, относящейся собственно до разоренія Цареграда турками, авторъ почти буквально слѣдуетъ русскому сказанію Искиндѣра¹⁾, сохраняя этимъ довольно древній его списокъ и прибавляя нѣсколько историческихъ чертъ къ картинѣ осады, какую мы могли составить изъ сличеній всѣхъ остальныхъ списковъ. Особенностью передачи Лызлова, является также сокращенное изложеніе молитвъ осажденныхъ и важное добавленіе хронологическихъ указаній. Литературный пересказъ русскаго сказанія о разореніи Цареграда турками сохранился еще въ сочиненіи Михайлова: „Исторія о послѣднемъ разореніи святаго града Іерусалима и о взятіи Константинополя столичнаго града греческой монархіи. Москва. Въ губернской типографіи у Рѣшетникова 1810. Часть II, 1—81. На сколько я могъ заключить, Михайловъ излагаетъ событіе не прямо по сказанію, а по Лызлову, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что хронологическія добавленія Лызловскаго текста встрѣчаются и у Михайлова, которому однако удалось опредѣлить, что такое Зиновія, родина Джустиніани, Іустуней сказанія, надъ чѣмъ тщетно ломалъ голову самъ Лызловъ, беспомощно по этому поводу говорящій въ примѣчаніи (II, 160). „Сей князь коея бѣ страны или области, о томъ не могло обрѣстися въ подтвержденіе отъ иныхъ исторій иностранныхъ, токмо въ російскихъ обрѣтается написано тако: страны же или области или града Зиновей не могохъ у описателей и историковъ обрѣсти, но ниже имени таковаго, когда въ оныхъ странахъ обошашеса“. Другою особенностью Михайловскаго изданія является прибавленіе „Свидѣтельство историка Кальвизія о разореніи Константинополя“, II, 81, 82.

Въ 1854 году въ Запискахъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. 1, стр. 101, появился пересказъ „Повѣсти“ Измаила Ивановича Срезневскаго, снабженный богатымъ филологическимъ и историческимъ комментариемъ. Кромѣ изыщества изложенія самого разбираемаго текста, Срезневскій въ комментарий, предисловіи и послѣсло-

¹⁾ Лызловъ. Слѣсскія исторія. Книга четвертая, главы 6-я, стр. 153—192.

ніи, помимо объясненій, намѣтилъ много вопросовъ, касающихся какъ внутренней стороны сказанія, такъ и значенія его въ ряду другихъ источниковъ. Хотя Срезневскій не былъ византистомъ, тѣмъ не менѣе его работа, отличаясь всѣми достоинствами филологическихкими, и со стороны исторической представляетъ первую строго-научную разработку вопроса о паденіи Византіи, основанную на тщательномъ сличеніи и объясненіи источниковъ по всѣмъ правиламъ исторической критики. Въ свое время трудъ Срезневскаго былъ единственнымъ; онъ не уступаетъ по своимъ достоинствамъ монументальному комментарию Миллера, къ Критобулу имѣющему лишь то преимущество, что Миллеръ могъ располагать большимъ числомъ источниковъ.

Въ 1859 появилось изданіе „Повѣсти“ А. Ф. Вычкова (въ Воскресенской лѣтописи) на основаніи сличенія трехъ рукописей. За нимъ въ 1868 г. послѣдовало изданіе Яковлева по одному списку съ прибавленіемъ разночтеній Воскресенской лѣтописи и наконецъ въ 1880 году—8-е по счету изданіе Общества любителей древностей письменности, по вновь найденному Троице-Сергіевскому списку, самому важному изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, какъ по своей древности, такъ и по своему повѣю, слѣдооткрывающему намъ имя автора, бывшее прежде тайной ¹⁾

Появленіе этого изданія вызвало статью Г. С. Дестуниса въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., февраль, гдѣ авторъ разбираетъ какъ значеніе вновь изданнаго списка въ ряду другихъ, такъ и сообщаетъ свои замѣчанія, служащія отчасти къ исправленію комментарія Срезневскаго, отчасти къ его пополненію.

При разборѣ этого сказанія, какъ источника историческаго, является первымъ вопросомъ: кто былъ его авторомъ? „Списатель-же симъ, азъ многогрѣшный и бѣззаконный Несторъ Искиндѣръ“, говоритъ авторъ въ послѣсловіи, „измлада взятъ быхъ и обрѣзанъ. Много врѣмя пострада въ ратныхъ хоженіихъ, оукривался семо и онамо да не умру въ океанной сей вѣрѣ..... Всѣмогущая же и животворящая троица да мя приобщитъ паки стаду своему и овцамъ пажити своея, яко да и азъ препрославлю и возблагодарю великолѣпное и превысокое имя твое, аминъ“. На основаніи этихъ краткихъ свѣдѣній мы можемъ сказать только, что Искиндѣръ, невольный потурченецъ, проведеншій свою жизнь среди мусульманъ, въ ихъ вѣрѣ, участвовав-

¹⁾ Начертаніе этого имени, насколько мы можемъ судить по фототрагическому снимку послѣсловія, даетъ чтеніе Искандѣръ, а не Искандеръ, какъ думаетъ архим. Леонидъ. Ср. спорую б хотя бы съ заключительнымъ словомъ Аминъ.

шій въ войнахъ и походахъ султана противъ христіанъ. Освободившись, наконецъ, отъ власти невѣрныхъ, онъ снова вернулся въ лоно православной вѣры, которую не оставлялъ никогда исповѣдывать въ душѣ, хотя наружно и былъ принужденъ поклоняться Магомету. Но кто онъ родомъ, русскій или грекъ? Все говоритъ въ пользу перваго предположенія: элличскій характеръ сочиненія историческаго, отступление отъ обыкновенныхъ приемовъ греческаго повѣствованія, выставленіе на первое мѣсто царя, царицы (съ двумя даже дочерьми)—природный грекъ не могъ не знать, что Константинъ былъ вдовъ, приданіе духовенству и патриарху такого важнаго, первенствующаго значенія, котораго они не имѣли въ изображеніи другихъ источниковъ; наконецъ, заключеніе, предсказывающее русскимъ роль побѣдителей турокъ, освободителей Византіи и замѣстителей ея во всемірной исторіи ¹⁾. Самый же главный доводъ, который заставляетъ признать русскимъ Искимдѣра, есть то полное и глубокое знакомство со всѣми сокровищами русскаго языка, какое онъ обнаруживаетъ на страницахъ своей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно предположеніе, будто грекъ могъ научиться русскому языку уже въ зрѣломъ возрастѣ въ такой мѣрѣ, чтобы не только говорить на немъ, но и писать съ такою же свободой и искусствомъ, какъ на родномъ, поль-

¹⁾ Въ пользу принадлежности автора къ русской національности говоритъ, по видимому, и то обстоятельство, что всѣ западные народности, принимавшія участіе въ оборонѣ Византіи, носятъ въ сказаніи одно общее или нѣмецкѣ, словоупотребленіе, наиболее свойственное русскимъ, такъ какъ у современныхъ греческихъ писателей общее названіе для западныхъ народовъ — латини, а для нѣмцевъ—германци, аллемани, такъ какъ проникшее въ греческій языкъ слово нѣмецъ въ XV столѣтіи распространенія не имѣло.

Съ другой стороны, точное наследованіе языка Искимдѣра и восстановленіе первоначальнаго текста на основаніи точнаго сличенія различныхъ списковъ равнымъ образомъ должно пролить свѣтъ на національность автора, такъ какъ и при настоящемъ состояніи текста сказанія возможно указать нѣсколько единичныхъ случаевъ употребленія формъ и реченій южно-русскаго характера, и притомъ случаевъ тѣмъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ древнѣе рукописи, заключающія ихъ. Особенности эти, обусловленныя, можетъ быть, происхожденіемъ автора, развившіеся вполнѣ въ первоначальномъ текстѣ, потомъ постепенно сглаживались и стѣсались при переписываніи сказанія великоруссами; нѣкоторые изъ нихъ однако сохранились, какъ: всиохъ, 7, 9, 35, 38, немцъ, 34, 35 (дннжды), мн (11), башта 30, 31 (дважды) (впрочемъ слово можетъ быть признано слѣдомъ турецкаго вліянія), израда 38, у Лызлова (списокъ Моск. Сми. Библ.) шію сгъ. кто съ кимъ; тузѣ, тін сгъ, напредѣ. Примѣромъ возможности исправлять текстъ сказанія на основаніи списка Моск. Сми. Библ. можетъ служить чтеніе *помовашъ* вмѣсто *помоташъ* рукою, что стоитъ въ другихъ рукописяхъ.

зуюсь всѣмъ его богатствомъ для составленія разказа, истинно художественнаго по слогу.

Такое основательное знаніе русскаго языка могло быть приобретено лишь юншата и потомъ, послѣ освобожденія изъ плѣна, восстановлено опять. Гречизмы автора, указываемыя г. Дестунинсомъ, легко объясняются какъ тѣмъ, что вообще русскій языкъ былъ въ то время проникнутъ греческимъ, такъ въ частности вѣроятнымъ знакомствомъ Искандѣра съ греческимъ языкомъ, на сколько мы можемъ судить по множеству приводимыхъ имъ греческихъ терминовъ. Поэтому, на основаніи всего сказаннаго, я принимаю положеніе архим. Леониды, что авторъ былъ происхожденія русскаго; онъ „юншата взятъ бѣ и обрѣзанъ“ — вѣроятно, крымскими татарами во время одного изъ ихъ набѣговъ на южную Россію, потомъ попалъ въ войска султана, служа въ которыхъ и былъ свидѣтелемъ паденія Византіи.

Теперь объ историческомъ значеніи этого памятника, одного изъ главныхъ источниковъ при описаніи паденія Византіи. „В сѣмъ великомъ и страшномъ дѣлѣ“ (то-есть, при паденіи Византіи), говоритъ авторъ, — „оуловляя время доврѣніемъ и испытаніемъ великимъ писахъ въ каждый день творимая дѣянія отъ турковъ внѣ града. И пакы егда поущеніемъ Божиимъ внидохомъ въ градъ врѣмянемъ испытахъ и собрахъ отъ достовѣрныхъ и великихъ мужей вся творимая дѣянія во градѣ противу безвѣрныхъ и вкратце изложихъ и христіаномъ предахъ на воспоминаніе преужасному сему и предивному изволенію Божию“. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ повѣствованіемъ очевидца, который самъ долженъ былъ бы принять участіе въ совершавшихся событіяхъ, но который успѣвалъ уклониться отъ битвы съ единовѣрными ему въ душѣ греками „овогда болѣзнію, овогда скрываніемъ, овогда-же совѣщаніемъ пріятелей своихъ“. Повѣствованіе его въ особенности любопытно для насъ въ томъ отношеніи, что изображаетъ ближе и точнѣе дѣйствія турокъ и знакомитъ насъ наравнѣ съ Критонуломъ не только съ тѣмъ, что творилось въ стѣнахъ самой Византіи, но и съ тѣмъ, что дѣлалось въ лагерѣ осаждавшихъ. Правдивость разказа Искандѣра, представляющаго нерѣдко отклоненія отъ общепринятыхъ источниковъ, каковы Франдэй, Дука, Халкокондилъ, подтверждается сличеніемъ съ вновь изданными источниками. Чѣмъ болѣе будемъ мы имѣть ихъ подъ рукою, тѣмъ болѣе, на мой взглядъ, увѣримся въ истинности показаній Искандѣра, даже самыя заблужденія котораго нерѣдко раздѣляются другими очевидцами взятія Цареграда Мехметомъ II. Къ сожалѣнію, разказъ Искандѣра

не могъ быть надлежащимъ образомъ разсмотрѣнъ и оцѣненъ Срезневскимъ, какъ вообще потому, что въ 50-хъ годахъ этого столѣтiя было издано недостаточно источниковъ для изученiя послѣднихъ дней Византии, такъ и потому, что послѣсловiе съ именемъ Искндѣра, поясняющее его отношенiя къ описаннымъ событiямъ было, открыто только впоследствии. При сличенiи же съ вновь изданными памятниками той эпохи, мы можемъ указать многое, что увеличиваетъ, а не уменьшаетъ историческое достоинство повѣствованiя Искндѣра. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Диспозицiя турецкихъ войскъ, сообщаемая Критовулумъ и Искндѣромъ, сходится вполне (Crit. 51 и частiю Vmreg., с. XV) ¹⁾. Извѣстiе Искндѣра о томъ, что Мехметъ посредствомъ пушекъ металъ трупы въ городъ, желая заразить воздухъ, извѣстiе, не встрѣчающееся ни у одного изъ историковъ паденiя Византии, находимъ мы у Виссарiона Никейскаго, въ его рѣчахъ, побуждавшихъ италiанскихъ князей двинуться противъ мусульманъ ²⁾. Все, сообщаемое Несторомъ о пушкахъ, о башняхъ, о стѣнобитныхъ козняхъ и машинахъ турокъ находится въ другихъ источникахъ. Свидѣтельство Нестора о томъ, что греки сумѣли взорвать ровъ, наполненный турками, заранѣе миная его, чего нѣтъ въ другихъ источникахъ, подтверждается, однако, подобными примѣрами при осадѣ средневѣковыхъ городовъ, собранными у Мейнерта или у Пузыревскаго (Военное искусство въ среднiе вѣка). Слова Искндѣра о томъ, что Византию окружали „рвы и потоци“, соответствуютъ результатамъ, добытымъ археологическими изслѣдованiями Паспати, устанавливающимъ тотъ фактъ, что у части византийскихъ стѣнъ находился наполненный водою ровъ. Сравн. также свидѣтельство Андроника Каллиста.

Или вотъ примѣръ заблужденiя, въ какое впадаетъ не одинъ Искндѣръ. Онъ говоритъ объ отчаянной защитѣ византийцевъ на улицахъ города. Противоположное свидѣлствуютъ всѣ другiе очевидцы, и мы не можемъ принять его показанiя; но любопытно, что

¹⁾ V mp. pp. XV. Biglardi dux exercitus Turcorum ordinatus et constitutus erat cum 20000 bellatoribus ad portam civitatis vocabulo Figii, ubi maximus putabatur instare resistendi insultus.

²⁾ Bessarionis Orationes contra Turca Magnae, 161 т., 665 с. Nostrorum cadavera cum moenia oppugnarentur (at non dicam, incredibile enim est, imo vero dicam, quoniam ita se habet) nostrorum inquam cadavera in vasa imposita machinis bellicis intra urbem adversus nostros immittebantur (говорится про осаду Халкиды).

такой же разказъ мы находимъ въ Челеби, пер. Мордмана. Свѣдѣнія, даваемые Несторомъ относительно дѣйствій грековъ, заслуживаютъ также вниманія и довѣрія. При этомъ нужно, однако, имѣть въ виду, что Несторъ былъ простой воинъ, описывавшій только то, что онъ зналъ, видѣлъ, или о чемъ слышалъ. Познанія его не возвышались надъ уровнемъ общихъ слуховъ, которые ходили въ арміи между солдатами, и въ которыхъ находима выраженіе не столько сама дѣйствительность, сколько впечатлѣніе, произведенное ею. Потому-то, напримѣръ, Искиндѣръ даетъ такія огромныя цифры для потерь, понесенныхъ турками: 16000, 35000, въ одинъ приступъ, что выражаетъ не столько настоящій уронъ турокъ, сколько тотъ ужасъ, который наведсѣнъ былъ на мусульманъ геройствомъ защитниковъ Византіи.

Вопросъ о флотѣ, о морскихъ битвахъ не затронутъ Несторомъ по двойной причинѣ: во первыхъ, потому, что онъ мало могъ знать объ этомъ предметѣ, находясь на сушѣ; во вторыхъ, вѣроятно, еще потому, что для русскихъ, мало знакомыхъ съ моремъ, подробности о морскихъ битвахъ могли показаться и неинтересными, и мало понятными. Съ другой стороны, свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ о дѣйствіяхъ византійцевъ, собранныя имъ послѣ вступленія турокъ въ городъ, могли основываться преимущественно на разказахъ заурядныхъ грековъ, опять-таки стоявшихъ вдалекѣ отъ главныхъ дѣятелей совершавшихся событій. Разказы эти проникнуты были естественно чувствомъ удивленія къ геройскимъ подвигамъ императора, павшаго на стѣнахъ Византіи; равнодушіе и даже недовольство, которое питали греки къ Константину вслѣдствіе принятія имъ уніи, уничтожилось во время обороны имъ города и перешло послѣ его смерти въ благоговѣнное уваженіе къ его мученичеству. Съ восторженнымъ удивленіемъ греки говорили о его мужествѣ и непобѣдимой храбрости, о силѣ его рукъ, отъ которыхъ, по ихъ словамъ, погибло въ одинъ день 600 турокъ. Слова эти производили сильное впечатлѣніе на автора, который самъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго опустошенія, произведеннаго греками въ рядахъ нападавшихъ; въ его изображеніи обликъ императора возросъ непомерно, превзойдя самыхъ героевъ древности; и если называть какое-нибудь изъ сочиненій о паденіи Византіи папегирикомъ Константина, то такимъ сочиненіемъ по справедливости является исторія Искиндѣра. Въ повѣствованіи преобладаетъ эпическій характеръ, приличный въ изображеніи подвиговъ мужей, „кои во истину людіе быша и не туне

на бранѣхъ подвизашася и смерть съ радостью воспримаху, но обаче уже преѣдоша, и нини по сихъ симъ подобнии не будутъ“ (Лызловъ, IV, 189).

Такимъ характеромъ сочиненія объясняются, можетъ быть, многія изъ преувеличеній, какія позволяетъ себѣ Искиндѣръ для большей яркости и картинности изложенія.

Но главнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ изучающихъ это сказаніе, какъ историческій источникъ, являются не эти преувеличенія или искаженія, легко объясняемая положеніемъ автора, его пристрастіемъ къ грекамъ и эпическимъ характеромъ его сочиненія,— главнымъ камнемъ преткновенія является вопросъ о хронологіи. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Искиндѣръ отстываетъ въ существенномъ отъ согласныхъ свидѣтельствъ всѣхъ историковъ событія, опредѣляя, противно имъ, срокъ осады не 59-дневный, а пятимѣсячный, и притомъ такъ, что извѣстіе это нельзя счесть ошибкою переписчика, ибо оно встрѣчается не однажды. Неточность его хронологическихъ показаній такъ велика, что, напримѣръ, вступленіе султана въ городъ, имѣвшее мѣсто немедленно послѣ его взятія (см. всѣ источники Phg., Disc., Rusc., Leon., Imp., Lomel., Джустиніани) Искиндѣръ отсрочиваетъ на одиннадцать дней и съ 29-го мая (число взятія дается вѣрно) переноситъ на 8-е—9-е іюня (Лызловъ). Потому-то мнѣ кажутся неудачными всѣ попытки приурочить къ истинной—хронологіи Искиндѣра, тѣмъ болѣе, что въ относительно древнемъ спискѣ Лызлова встрѣчаются цифры, прямо противорѣчащія свидѣтельству другихъ списковъ той же повѣсти; но уже если восстановить ее, то иначе, чѣмъ это дѣлаетъ Срезневскій, незнакомый съ дневникомъ Барбаро. Является вопросъ теперь, какъ могъ авторъ отклониться въ такой мѣрѣ отъ истины? Предположить ли, что Искиндѣръ принималъ участіе въ одномъ изъ передовыхъ отрядовъ, державшихъ Византію въ блокадѣ всю зиму, или объяснить характеромъ сочинителя, которому казалось мало 59 дней геройской обороны, а надо было пять мѣсяцевъ для полного выставленія доблестей защитниковъ города. Хотя первое предположеніе имѣетъ за себя болѣе вѣроятностей (кон сведены особо въ примѣчаніе съ соответствующимъ примѣрнымъ разчетомъ) ¹⁾, однако, какъ бы возможными пи

¹⁾ Для того, чтобы какъ-нибудь приурочить хронологію Искиндѣра къ хронологіи другихъ писателей, нужно, во-первыхъ, признать за его показаніемъ о пятимѣсячной борьбѣ грековъ съ турками значеніе относительное, то-есть, не

казались эти приуроченія, нельзя ручаться за вѣрность ни одного изъ нихъ, и эта самая шаткость и непрочность хронологіи въ значительной мѣрѣ ослабляетъ цѣнность сказанія, какъ историческаго источника. Въ отдѣльности вѣрно почти каждое показаніе Искин-

принимать это за время осады города, а признать выраженіемъ продолжительности того періода, когда Византія была отрѣзана турками отъ сообщеній съ суши; въ такомъ смыслѣ показаніе это имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, потому что, по извѣстіямъ другихъ источниковъ, Мехметъ II разсмалъ свои отряды подъ стѣны Византіи раньше, чѣмъ явился самъ. Слова эти въ буквальный значеніи принимать нельзя, потому что Искиндѣръ распределяетъ время событий по срокамъ: второй приступъ (стр. 8) былъ черезъ 15 дней послѣ перваго; третій послѣ перваго же на 30-й (12 стр.); четвертый на девятый день послѣ третьяго (15 ст.); днемъ же минувшимъ 25 (хотя относительно точнаго значенія этого показанія можетъ быть сомнѣніе, не входятъ ли въ него и всѣ послѣдующіе дни, но въ данномъ случаѣ примемъ это въ отдѣльности, для того чтобы установить невѣрность буквального пониманія выраженія „пятидесятичная борьба“ во всѣхъ случаяхъ); затѣмъ три дня, то-есть, 6-го мая (19) и время до паденія 29-го мая (22 дня). Итого всего, на все осада продолжалась $30+9+25+3+22=89$, а не пять мѣсяцевъ, хотя мы давали намѣренно наибольшее протяженіе срокамъ Искиндѣра, чего съ полнымъ правомъ могли бы не дѣлать. Считаю, на основаніи сказаннаго, что слова пять мѣсяцевъ борьбы имѣютъ только относительный, а отнюдь не точный смыслъ, мы можемъ строить свои соображенія, но болѣе вѣрны въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ показаніемъ нашего автора. Исходною точкою въ нашей попыткѣ должна служить дата паденія Византіи 29-го мая (Иск., 37), которая намъ извѣстна не изъ одного только Искиндѣра, но и изъ другихъ источниковъ; къ нимъ-то теперь и обратимся и посмотримъ, сколько длилась осада и походъ Мехмета, чтобы при помощи ихъ установить время перваго приступа и т. д. Источники единогласно даютъ какъ дату выступленія Мехмета изъ Адрианополя 23-го марта. Итого вся осада длилась вмѣстѣ съ походомъ, вычитая изъ 29-го мая 23-е марта ($31+28+31+30+28$) — ($31+28+22$) = $148-81=67$ дней. Обратимся къ нашему источнику и назовемъ для большей легкости вычисленія каждый изъ приступовъ отдѣльною буквой. Искиндѣръ говоритъ прямо, что отъ А до С прошло 30 дней, отъ С до Д—9 дней и потомъ (Иск. 16) „днемъ же минувшемъ 25, тако бѣюшася по вся дни пакы безбожнѣи повеаъ прикати оу пушку велию, бѣ бо“ и пр. Думать ли, что въ этихъ 25 дней включается все послѣдующее время, или производить счетъ отдѣльно? Мнѣ кажется, что справедливѣе будетъ, вмѣстѣ со Срезневскимъ, держаться чернаго мнѣнія, подкрѣпивши его хотя бы тѣмъ, что и раньше срокъ приступа С включаетъ въ себя срокъ приступа В. Итакъ, принимая мнѣніе Срезневскаго, произведемъ расчетъ: отъ приступа А до С прошло 29 дней, приступъ С 2 дня, отъ С до Д 9 дней, приступъ Д 1 день, отъ Е до паденія Византіи 25 дней, итого 66 дней.

дѣра, но только безъ отношеніи ко времени, потому что каждое хронологическое приуроченіе имѣетъ за себя лишь данныя вѣроятности.

Изъ другихъ источниковъ на русскомъ языкѣ важно посланіе великаго князя Василя Васильевича къ императору Константину, напечатанное въ 6-мъ томѣ (575 sq.) Русской Исторической Библиотеки.

Изъ другихъ источниковъ славянскаго происхожденія, можно указать хотя бы на извѣстіе, находящееся въ 13-й книгѣ лѣтописи Длугоша, имѣющее значеніе, потому что основой его послужило утраченное письмо Александра, воеводы Молдавскаго, къ королю Казимиру. Впрочемъ здѣсь на изображеніи послѣднихъ дней Византіи наложенъ католическій отпечатокъ, никоимъ образомъ не могшій принадлежать православному господарю, который конечно не сталъ бы упрекать грековъ въ неискреннемъ принятіи унии и отпаденіи отъ лона католической церкви (Длугошъ. Lipsiae. MDCCXII, 115—119). Съ разказомъ польскаго лѣтописца можетъ быть сопоставленъ отрывокъ изъ венгерской хроники *Turoczí* (Pray. Hung. Script. Francforti. 1600, стр. 160), относящейся къ царствованію въ Германіи Максимилиана I.

Вычитая полученное нами изъ даты 29-го мая, получимъ 23-го марта, какъ разъ тотъ день, когда султанъ выступилъ изъ Адрианополя. Посмотримъ теперь, дадутъ-ли намъ эти вычисления другія вѣрныя цифры. Впервыхъ, приступъ къ Византіи, бывшій на 14-й день послѣ 23-го марта, падетъ на 5-е апрѣля, когда султанъ действительно подступилъ къ Византіи: новое оправданіе вычисления. Приступъ С, бывшій на 30-й день послѣ А, падаетъ на 24-е апрѣля, приступъ Е—на 3-е мая. Приступъ С намъ не удалось приурочить съ полною точностью къ показаніямъ другихъ очевидцевъ; впрочемъ, если даже не говорить о томъ, что турки вообще дѣлали частыя нападенія на городъ и, что весьма естественно, не все эти нападенія занесены въ источникъ, мы имѣемъ свидѣтельство Барбаро (С. N. 23) о приступѣ въ ночь на 18-е число, и если отождествить его съ приступомъ С Искандара, то нѣтъ сомнѣнія, мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго предположенія,—вѣдь все-таки отъ нашего автора нельзя требовать особенной точности.

Что касается до самаго взятія Византіи, то оно, по свидѣтельству Искандара, совершилось въ три дня. На мой взглядъ, причину такого растяженія нужно видѣть въ внѣшномъ характерѣ повѣствованія, какими объясняются многія преувеличенія, свойственныя сказанію, а восторыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что и въ действительности приступовъ было не одинъ, а три; ихъ-то и разивѣстлялъ Искандаръ на пространства трехъ дней, вмѣсто одного, соблюдая однако во всемъ остальномъ ту же послѣдовательность, что и другіе очевидцы.

Сочиненія по исторіи паденія Византіи.

Начиная съ Гиббона цѣлая плеяда ученыхъ одни за другими старались воспользоваться бывшимъ на лицо историческимъ матеріаломъ для воссозданія передъ глазами читателей картины разоренія Царяграда турками. Самъ разказъ Гиббона, проникнутый большимъ одушевленіемъ, написанъ на основаніи Фриандзи, Дуки, Халкокондила, Леонарда Хиоскаго и отчасти Лавро Квирини, ибо только эти источники были обнародованы въ XVIII вѣкѣ. Ихъ же почти, съ немногими только добавленіями, держится *Le Beau* (*Histoire du Bas Empire corrigée et augmentée par M. de Saint-Martin et continuée par Brosset jeune*, XXI. P. 1836). Что касается до Гаммера, то онъ свое капитальное сочиненіе по исторіи Османской имперіи (*Geschichte des Osmanischen Reiches durch Joseph von Hammer*. Band I), писалъ преимущественно по турецкимъ источникамъ и для изображенія послѣднихъ дней Византіи пользуется только однимъ изъ нихъ (*Сездъ-Единиомъ*), а въ основу разказа полагаетъ тѣ же источники, что и его предшественники Гиббонъ и *Le Beau*. Важнымъ дополненіемъ представляется только разработка вопроса о византійскихъ стѣнахъ и воротахъ, точное знаніе которыхъ необходимо для правильнаго разумѣнія всего хода осады. Сочиненія Zinkeisen: „*Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*“ и Finlay: „*A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time*“. A new edition revised throughout by the author and edited by Tozer, — по своему общему характеру довольствуются картиной паденія Византіи въ главныхъ чертахъ, не останавливаясь на тщательномъ изученіи подробностей.

Первою спеціальною монографіей по этому предмету былъ на западѣ трудъ Мортманна подъ заглавіемъ: *Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Türken im Jahre 1453*. Stuttgart und Augsburg. 1858, построенный на въ высшей степени важномъ для исторіи паденія Византіи дневникѣ Барбаро, благодаря чему автору удалось точно установить хронологію осады. Цѣнность этого сочиненія увеличивается также тѣмъ обстоятельствомъ, что Мортманнъ не только изучилъ на мѣстѣ топографію Константинополя и развалины его стѣнъ, но даже при помощи знанія турецкаго языка привлекъ къ своему изслѣдованію два новыхъ турецкихъ источника, одинъ изъ которыхъ въ переводѣ помѣщенъ имъ въ концѣ книги. Соединеніемъ всѣхъ этихъ качествъ объясняется важность труда Мортманна

въ разработкѣ фактической стороны паденія Византии, но съ другой стороны, мы тщетно искали бы въ немъ выясненія историческаго значенія, сопряженнаго съ такимъ мировымъ событіемъ; авторъ беретъ описываемый предметъ отдѣльно, не считая нужнымъ возстановлять его связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Мордтманъ позволяетъ себѣ отступить отъ буквальнаго почти слѣдованія источникамъ и пускается въ разсужденіе историко-философскаго свойства, разсужденія эти не только не придадутъ цѣны сочиненію, но скорѣе идутъ ему въ ущербъ, потому что хотя авторъ гордится „своимъ здравымъ человѣческимъ мышленіемъ, тѣмъ не менѣе оно съ нимъ нерѣдко играетъ злая шутка“. Что касается до археологическихъ изысканій Мордтманна, то они, какъ доказала это Пастати, имѣютъ болѣе значеніе какъ собраніе матеріала, нежели удачная его обработка.

Необходимымъ дополненіемъ къ труду Мордтмана является рецензія Фойгта (Voigt): *Die Eroberung von Constantinopel und das Abendland* ¹⁾, гдѣ указываются упущенія и недостатки сочиненія Мордтманна, которые и восполняются отчасти при помощи сочиненія Zhischmann'a по исторіи уніи.

Введеніе Еллисена въ его третій томъ *Analekten der mitll. und neugriech. Literatur* соединяетъ всѣ качества, какія можно требовать отъ спеціальной монографіи по исторіи осады и взятія Византии турками. Къ сожалѣнію кругъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, былъ расширенъ противъ прежнихъ однимъ Пускуломъ, если не считать *Ἐρημος*; дневникъ Барбаро появился послѣ отпечатанія III тома *Analekten*. Понявъ однако всю важность новаго источника, Еллисенъ сдѣлалъ изъ него довольно полное извлеченіе, которое и помѣстилъ въ концѣ книги.

Въ 1870 году появилось изслѣдованіе Краузе: *Die Eroberungen von Constantinopel im dreizehnten und fünfzehnten Jahrhunderte, nach byzantinischen, fränkischen, türkischen Quellen und Berichte*. Halle. Не смотря на громкое заглавіе, Краузе пользовался не только турецкими, но даже и италянскими источниками не изъ первыхъ рукъ, а въ византийскихъ слѣдовалъ разработкѣ предшественниковъ. Половина книги, посвященная разоренію Цареграда турками; представляетъ скорѣе коммляцію, нежели самостоятельное изслѣдованіе предмета. Какъ мало изучалъ авторъ источники, видно хотя бы изъ того,

¹⁾ *Historische Zeitschrift*, Dritter Band. 1860.

что онъ ни разу не ссылается на Пускула, помѣщеннаго въ томъ же третьемъ томѣ *Analekten* Еллисена, который онъ цитируетъ по поводу *Ἐρῆνος*. Въ замѣвъ того, Краузе дѣлаетъ выписки о происхожденіи турокъ изъ *Deguignes*, *Hammer* и *Zinkeisen* и даетъ характеристику новыхъ завоевателей.

Въ 1877 г. увидѣло свѣтъ сочиненіе Васта: *Le cardinal Bessarion ou étude sur l'histoire de Renaissance*, гдѣ паденію Византіи отводится цѣлая глава, напечатанная и отдѣльно въ *Revue historique* Моно. Превосходное знакомство съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ архивахъ и историческихъ изданіяхъ Франціи и Италіи, дало возможность автору сообщить драгоценныя библиографическія указанія въ примѣчваніяхъ къ самому тексту. Не задаваясь цѣлью писать специальное изслѣдованіе о взантіи турками, авторъ воспользовался довольно поверхностно собраннымъ матеріаломъ, что, впрочемъ, восполняется живостью и картинностью всего изложенія.

Въ томъ же году появились *Βυζαντιναὶ μελέται τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαὶ ὑπὸ Πασιати*. На основаніи самостоятельнаго и глубокаго изученія константинопольскихъ древностей, соединеннаго съ обширнымъ знакомствомъ съ византійскими писателями, Паспати даетъ полный, ясный и точный очеркъ стѣнъ Византіи, сообщая при этомъ нѣсколько весьма важныхъ соображеній по поводу ея паденія. Что касается второй части этого сочиненія, то она посвящена отношеніямъ Византіи къ западнымъ народамъ до конца XIV вѣка (стр. 127—277), ибо въ нихъ Паспати усматриваетъ одну изъ главныхъ причинъ гибели Цареграда.

Критика всѣхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ вопроса о состояніи византійскихъ стѣнъ во время ея паденія, содержится въ статьѣ г. Дестуниса (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ССХІХ и ССХХV) и въ отдѣльной брошюрѣ, принадлежащей тому же автору и озаглавленной: *Историко-топографическій очеркъ стѣнъ Византіи*. Одесса. 1887.

Въ 1883 году вышло въ свѣтъ французское изданіе „*Исторіи левантской торговли въ средніе вѣка*“ Гейда, переработанное и дополненное самимъ авторомъ сравнительно со вторымъ нѣмецкимъ изданіемъ. Сочиненіе это представляетъ вѣчный памятникъ того, что можетъ создать нѣмецкая ученость въ соединеніи съ нѣмецкимъ трудолюбіемъ и точностью. Хотя авторъ говоритъ объ осадѣ лишь вскользь, имѣя главнымъ образомъ въ виду торговныя сношенія Востока и За-

пада, тѣмъ не менѣе его немногочисленныя страницы по богатству данныхъ, по точности и безпристрастію, по огромному количеству источниковъ, на которые дѣлаются ссылки, должны быть руководствомъ при изученіи исторіи послѣднихъ дней Византіи.

Изъ другихъ сочиненій важны для занимающихся исторіей взятія Цареграда турками IV томъ *Storia documentata di Venezia* Романина (*Romanin*), 1885 г., гдѣ содержатся драгоцѣнныя свидѣнія, почерпнутыя изъ венеціанскихъ архивовъ, о роли, которую играла Венеція въ событіяхъ 1453 года.

Изысканія Романина такъ полны и точны, что на нихъ дѣлаетъ ссылки самъ Коллардѣ (по выраженію Паспати) Гейдѣ. Кромѣ сочиненія Романина, важны Норф: *Geschichte Griechenlands im Mittelalter* и Hertzberg: *Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart*.

Необходимымъ пособіемъ для изученія личности завоевателя должна служить книга Thuasne: *Gentile Bellini et sultan Mohamed II*. Paris. 1886, гдѣ собраны богатые матеріалы для характеристики Мехмета, а также приложены снимки съ дошедшихъ до насъ его портретовъ.

Изъ русскихъ сочиненій по этому вопросу имѣетъ значеніе изслѣдованіе Стасюлевича, помѣщенное въ I-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ II отдѣленія Академіи Наукъ, а потомъ особымъ изданіемъ. Благодаря легкости изложенія и искусному выбору наиболѣе яркихъ подробностей, автору удалось воссоздать живую картину описываемыхъ событій, чѣмъ искупается недостаточно глубокое изученіе источниковъ в ограниченное ихъ количество; не привлечено, напримѣръ, къ дѣлу и русское сказаніе, помѣщенное однако въ томъ же томѣ Записокъ, гдѣ и статья Стасюлевича; разказъ Теодадди и италіанскіе источники, собранные у Muratori, точно также оставлены въ сторонѣ.

Основаніемъ нашей характеристикѣ сочиненій по исторіи осады и взятія Византіи турками была та постепенность, въ которой расширялся кругъ источниковъ, доступныхъ авторамъ, сообразно съ чѣмъ выяснялась прагматическая сторона событія; но въ свою очередь любопытны взгляды различныхъ авторовъ на причины этого событія, кореннымъ образомъ измѣнившимся условіямъ жизни всѣхъ народностей, входившихъ раньше въ составъ Византійской имперіи. Внѣшніе враги съ одной стороны, внутреннее разложеніе съ другой: въ такомъ видѣ представлялись эти причины современникамъ и отъ нихъ перешли и къ историкамъ, которые не стали подвергать ихъ повѣркѣ и подроб-

ному изслѣдованію, а считали достаточнымъ намѣтить ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ сколько важнаго можно сдѣлать именно въ выясненіи этихъ причинъ, показала работа г. Паспата, который первый съ убѣдительною и послѣдовательною провѣлъ національно-экономическое воззрѣніе на исторію послѣднихъ лѣтъ Византіи, помѣщая весь источникъ зла въ томъ порабощеніи, въ какомъ находились греки отъ запада. Стасюлевичъ указываетъ въ попыткахъ уніи корень разслабленія Греческой имперіи, не разработывая однако своего взгляда съ такою глубиною, какъ Паспата, а довольствуясь лишь выраженіемъ его въ общихъ чертахъ.

И. Негодкинъ.
